

№8
Август 2012

ТРУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Мир без преград. Группа ВТБ

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Арсен ЕРЕМЯН

Редакционная коллегия:
Вера ЦЕРЕТЕЛИ
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Донара КАНДЕЛАКИ
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ
Владимир ГОЛОВИН

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Важа АЗАРАШВИЛИ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Гоги КАВТАРАДЗЕ
Гига ЛОРДКИПАНИДЗЕ
Отар МЕГВИНЕТУХУЦЕСИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Гулбат ТОРАДЗЕ
Джансуг ЧАРКВИАНИ

Армения
Михаил БАГДАСАРОВ

Белоруссия
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Венгрия
Олег ВОЛОВИК

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Михаил НОСОВ
Евгений ТАБАЧНИКОВ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

США
Алексей ЦВЕТКОВ

Франция
граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА
В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№8⁽⁸²⁾
Август 2012

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 АНГЕЛЫ САДА
ЛИДИЯ ГРИГОРЬЕВА
- 7 КРАСИТЬ РАДУГУ ПУЛЬВЕРИЗАТОРОМ
НИНО ЦИТЛАНДЗЕ
- 10 ПЛАНКУ ЗАДАЕТ БОЛЬШОЙ
ЯНА ИСРАЕЛЯН
- 15 ГРУЗИНСКИЕ СТРАНИЦЫ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
- 16 ПЕТР БАГРАТИОН: «УМРУ ЧЕСТНО...»
НИНель МЕЛКАДЗЕ
- 20 ЕГО НАЗЫВАЛИ ПОЭТОМ
АРСЕН ЕРЕМЯН
- 24 ВЗМЕТНУЛСЯ ПО ВЕРШИНЕ
ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ
- 28 «ЗАВЛЕКАЮТ В СОЛОЛАКИ СТЕРТЫЕ ПОРОГИ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 33 ЧТО УДЕРЖАЛОСЬ В СОЗНАНИИ
БОРИС ДОБРОДЕЕВ
- 38 ЗРИ В КОРЕНЬ!
ВИКТОРИЯ ПОПОВА
- 40 МАГНИТ ДЛЯ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 42 ТАК ГОВОРИЛ ТОВСТОНОГОВ
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ
- 48 РАЗНЫЕ СУДЬБЫ – ДЕЛО ОДНО
ДМИТРИЙ ТУХАРЕЛИ
- 50 ПО СЛЕДАМ УТРАЧЕННОЙ КРАСОТЫ
ГЛЕБ ОСТРОЖНЫЙ
- 53 ДОН КИХОТ ПОКОРЯЕТ СЦЕНУ
НАТАЛЬЯ ОРЛОВСКАЯ

На обложке – памятник Петру Багратиону в Тбилиси
(скульптор – М.Мерабишвили). 1984. Фото Александра Сватикова

ОТ ДО

**«СЕМЬ СТОЛПОВ
МУДРОСТИ» АНГЛИЙСКОГО
ШПИОНА**

15 августа 1888 года родился легендарный разведчик – английский шпион, полковник Томас Эдуард Лоуренс или Лоуренс Аравийский. Хоть он и был внебрачным сыном английского аристократа, но, тем не менее, считался типичным выходцем из «среднего» класса и оксфордским выпускником. Его неудержимо манил к себе прекрасный знойный Восток, марево пустынь, мерная поступь верблюдов, звяканье их колокольцев, шум пестрых базаров, крики муэдзинов. Лоуренс изучал арабский язык, мусульманскую культуру и много путешествовал по странам Передней Азии. Все это он выплеснул на страницы своей знаменитой книги «Семь столпов мудрости». Когда началась война, он отправился в Египет, в разведотдел при штабе командующего. Этот уникальный человек практически в одиночку выиграл сражение в Аравии, чудесным образом сплотив местные племена, которые до тех пор постоянно враждовали между собой. Из них он составил партизанские войска, которые успешно воевали против турок в Первой мировой. Знаменитый принц Фейсал, будущий король Ирака, на всю жизнь стал его личным другом. И в итоге, полковник Лоуренс стал героем и создателем сразу нескольких ближневосточных стран – Саудовской Аравии, Ирака и Трансиордании, которая ныне зовется Иорданским королевством.

Лоуренс Аравийский никак не мог вернуться с войны, упорно попадая в любые истории и любое пекло. Говорят, он даже успел повоевать в союзе с басмачами против Красной армии. Это не доказано наверняка, конспиратором он, как всякий приличный профессионал, был все-таки хорошим и лишних следов не оставлял. Закончил он плохо – разбился, катаясь на собственном мотоцикле. Несколько странная смерть для разведчика. Наверняка что-то ему там открыли.

ЖИЛ-БЫЛ КОРОЛЬ ШОТЛАНДСКИЙ

15 августа 1057 года погиб шотландский король Макбет, тот самый, о котором писал Уильям Шекспир. Несмотря на легендарный флер, это был вполне реальный человек, оставивший заметный след в истории своей страны. Он даже не был каким-то уж особенным злодеем. Все родовитые люди из той седой, тысячелетней истории мало напоминали блестящих, элегантных монархов из кинофильмов. Они скорее

были похожи на современных бандитов – «братков» либо же на полевых командиров незаконных вооруженных формирований всех мастей. Да и манерами подчас обладали такими же. Были среди них и кровавые садисты, и совершеннейшие самодуры. Макбет, судя по всему, был далеко не худшим из них, хоть и был узурпатором и даже в свое время зарезал своего предшественника. Но погиб он достойно, в сражении, и был похоронен честь по чести на кладбище шотландских королей.

ЗАВОЕВАНИЕ РАЯ

Полтысячелетия назад люди не были столь примитивными, как это можно было бы подумать. А о том, что Земля имеет форму шара, догадывались еще в античные времена. Уверен в этом был и знаменитый капитан Христофор Колумб, которого мы знаем как Христофора Колумба. Откуда он взялся, где была его род-

ная земля, осталось неизвестным. А известно, что семь городов претендуют на честь зваться его родиной, как и у знаменитого Гомера. Считается, что Колумб был итальянцем. Судя по всему, мореходством он занимался с юности, хотя и неизвестно по каким морям и под чьим командованием. Современные исследователи даже считают, что когда он служил у португальцев, то ходил далеко в Атлантический океан не только до Азорских островов, но и далеко на север, чуть ли не до побережья Ньюфаундленда. Конечно же, легендарный первооткрыватель Америки не был первым, и из моряцких баек наверняка знал о том, что в древности люди доплывали до неизвестных земель на западе. Особенности циники утверждают, что открытие нового континента вообще произошло по ошибке – дескать, Колумб плохо знал математику и неверно рассчитал диаметр земного шара. По его подсчетам якобы выходило, что путь до Индии гораздо ближе, нежели на самом деле. Но как бы там ни было, именно 3 августа 1492 года произошло важнейшее историческое событие – первая экспедиция в Америку стартовала от причала испанского города Палос. Три судна – Санта-Мария, Нинья и Пинта входили в состав этой небольшой флотилии. Самое большое из них было длиной всего 18 метров – как вагон метро. Эти скорлупки поистине вплыли в бессмертие, когда через 72 дня они добрались до Нового Света.

КАК ПРИКРЫЛИ МЕДНУЮ АВАНТЮРУ

В 17 веке в России не чеканили золотых и серебряных монет – не было в стране ни золота, ни серебра. Их ввозили из-за границы. В основном, это были талеры – «евро» того времени, отчеканенные на монетных дворах Иоахима Сталера, знаменитого чеканщика. В России их звали «ефимками». Ефимки всегда дорого ценились, и их всегда не хватало, особенно во времена первых Романовых, когда шла бесконечная война с Польшей за Украину. В итоге, Ордин-Нащокин, премьер-министр царя Алексея Михайловича, как бы сейчас о нем сказали, ввязался в

безответственную авантюру – он санкционировал чеканку русских медных денег по цене серебряных. И печатный станок заработал практически день и ночь. Причем налоги по-прежнему собирали серебром, а платили из казны медью. Через не-

сколько месяцев русские копейки, деньги и полушки спикировали так низко, что, скажем, за шесть рублей серебром давали сто семьдесят рублей медью. Несмотря на царский указ, все товары резко подорожали – что поделат, инфляция. Появились фальшивомонетки. И простой народ возмутился. Погромили дворы ненавистных бояр из правительства и отправились челом бить царю в Коломенское – Горки-9 того времени. К чести молодого и красивого Алексея Михайловича следует сказать, что трусом он не был и встретил возмущенную толпу лично. Протестующие граждане его обступили и, хватая за грудки, кричали «доколе!» Царь принял челобитную и пообещал разобратся. Особый «выбранный» от толпы ударил с ним по рукам. Но не тут-то было: из города пришла еще одна колонна демонстрантов, настроенная гораздо менее миролюбиво. Царя едва не задавили в толпе, но он успел кликнуть охрану. «Омывцы» того времени не церемонились, врубились в толпу и оставили после себя сотни мертвых тел. Медную авантюру своего правительства царь, однако же, прикрыв.

ПАРИЖАНИН ИЗ СЕЛА КУХИ

20 августа 1889 года в Кутаисском уезде тбилисской губернии родился мальчик, который стал большим мастером и прославил свою родину в далеких европейских странах. Это был Давид Какабадзе.

Парижанином его называли с 20-х годов, когда он прожил в этой европейской Мекке для живописцев почти что десять лет. Попал он туда в беспокойные для Грузии годы вместе со своими друзьями Ладо Гудиашвили и Шалвой Кикодзе. Эта тройка талантливых, знойных грузинских парней сделалась модной среди парижской богемы и очень популярной среди изящных парижанок, ибо они были по-восточному пылкими красавцами. Когда только они успевали работать – ведь они успели многое, их выставки были частыми, а работы хорошо продавались.

Повзрослев, Какабадзе вернулся на любимую родину и стал преподавать в Академии худо-

жеств. Он также был бессменным театральным художником и оформителем у своего друга, великого режиссера Марджанишвили. Его работы выставлены в самом центре города Тбилиси в галерею на проспекте Руставели. Кроме живописи, там есть еще и несколько десятков изумительных графических работ.

ЮБИЛЕИ АВГУСТА

В августе под знаком Льва родилось очень много творческих людей. 210 лет назад, 4 августа 1792 года, родился один из величайших английских поэтов Перси Биши Шелли. Это был удивительно красивый молодой человек, он прожил всего 29 лет, но совершил настоящий переворот в мировоззрении своих современников, создав вместе со своим другом лордом Байроном и со своей женой Мэри Шелли, автором романа «Франкенштейн», новое поэтическое течение – романтизм.

145 лет назад 14 августа 1867 года, родился крупный английский писатель-прозаик Джон Голсуорси, автор знаменитой «Саги о Форсайтах». Его считают могильщиком викторианских идеалов. Своей совершенно современной даже для нашего времени прозой он повлиял на мировоззрение молодого поколения, и по праву считается одним из первых писателей, которые заговорили с читателем на простом и внятном языке, без излишних прикрас и умствований. А еще он открыл миру блестящего писателя-мариниста Джозефа Конрада. Капитан Конрад до встречи с Голсуорси просто писал «в стол». А еще Голсуорси – любимый писатель моей мамы.

20 августа исполнилось бы 80 лет великоллепному Василию Аксену. Этот яркий человек создал новый язык – язык детей «оттепели» - и оставался верным юношеским идеалам этого вольнолюбивого племени от «Звездного билета» до «Острова Крыма» и «Москвы КваКва». Он жил и в России, и в эмиграции, куда его выгнало советское правительство, но похоронен он в Москве, по его собственной просьбе, в паре десятков метров от могилы Булата Окуджавы и в сотне метров от Владимира Высоцкого, с которыми дружил.

17 августа мы отметим семидесятилетие чудного азербайджанского эстрадного и оперного певца Муслима Магомаева. Высокий, блестящий мужчина с потрясающей красоты баритоном, излучавший харизму, был одним из самых желанных участников юбилейных концертов на протяжении нескольких десятилетий. Он прожил чуть больше шестидесяти и всегда оставался настоящей личностью, опорой друзей, щедрым и отважным человеком. Когда его сценическое время подошло к концу, он не стал цепляться за славу и овации и ушел сам, оставив после себя чувство ностальгии. А еще он любил Тбилиси, часто здесь концертировал и был большим другом грузинского народа.

Роб АВАДЯЕВ

АНГЕЛЫ САДА

«Сегодня много Ангелов в саду...»

Ангелы в саду сначала прячутся. Не поддаются исчислению, опознанию и осознанию случившегося чуда: они – все же! - прилетели.

Несколько дней тому назад это были «начинающие ангелы»: маки только распластывали свои крылышки и воскрылились. Но чтобы перевоплотиться и взлететь, надо было не просто блистать юной красотой, очаровывая ею окрестное пространство, нужно было пострадать от дождя и ветра, заматереть от житейских невзгод, набраться опыта. И – преобразиться.

Я много лет ждала их. Впервые они посетили мой сад в 2002-ом году. И случилась фотокартина ангел страсти: темно-багровая, глубоко бархатная огромная роза. И на ней приземлившийся в саду ангел. Он прилег после долгого перелета. Белые пелены его невесомых, кисейных одежд, полупрозрачные крылья. Прилег. Устал. Скоро полетит дальше.

Потом на проявленной пленке (наиболее фотографически надежные аппараты, это всякий фотохудожник вам скажет) и проявилось то, о чем я теперь говорю. Но я-то знаю, что это был всего лишь узкий и ослепительный луч закатного солнца, и упал он на вечернюю догорающую розу через щель в соседском дощатом заборе, и таким чудесным образом преломился. И мама, читающая книгу в садовом кресле, окликнула меня громким голосом: «Беги скорее! Луч уйдет!» И я скатилась кубарем со второго этажа от компьютера, к которому в ежедневной работе просто-таки прирастала. И оттого порою не успевала озираться сад фанатично жадным взором фотографа, свойственным мне, когда я выхожу в сад с мистическим прибором («...фаттапарат – мистический прибор!»), способным уловить, как оказалось, даже невидимое.

А чудеса не ждут. Они случаются помимо нас. И частенько мы бываем рассеяны, невнимательны, а то и вовсе поворачиваемся к ним спиной.

На моей первой персональной фотовыставке в Москве «Мания Моне» (март 2003) ангел страсти – был центром всей композиции и главным художественным событием выставки. Это отражено и в прессе, и в книге

отзывов. Но такие чудесные события не могут случаться часто и стать обыденностью. Пришлось ждать долгих четыре года.

И вот в 2006 году (как это далеко и как близко!) сад заполонили огненные ангелы! Огромные маки после долгого и могучего цветения вдруг однажды утром преобразились. Они взмахивали огромными багряными крыльями, словно стремились улететь с низкого старта туда, откуда прилетели. Они пылали на солнце, светились и горели всеми оттенками солнечного пожара на лоснящихся и сияющих, полных силы и мощи лепестках-крыльях. Они распластали их вокруг головки в бархатной шапочке, из-под которой выбивались короткие прядки волос. Отвернули от нас свой пылающий нездешний лик, чтобы мы не ослепли от небесного огня, и явили нам лишь ершистые юношеские затылки: «Мы – здесь ненадолго, мы уже улетаем...»

Словно бы сам шестикрылый серафим явил нам облик, не явив своего лица, чтобы не ослепить своим взором людей, обомлевших от радости постижения непостижимого. И этими людьми была я сама и моя семья – мама и муж.

Четыре ангела – стали событием на моей фотовыставке в Пушкинском Доме в Лондоне, в апреле 2007 года.

Но потом они не прилетали ко мне долгих шесть лет. Не посещали. Не удостаивали. Я уже и смирилась-то вполне – хватит и случившегося счастья на всю оставшуюся жизнь! Ведь остались же фотокартины на стене моего кабинета в Лондоне. Фотоархивы, «картинки с выставки», и четыре строки:

*Это ангел – уходящий.
Это ангел – в небе сущий.
Это ангел – уносящий.
Это ангел – вопиющий...*

Неисчислимые толпы библейских племен и народов, воплотившихся в самые разнообразные и разнообразные цветочные образы и персонажи, обрядившиеся в их одежды – от порфиноносных мантий до рваных лохмотьев (после грозы или града, побивавшего нежные лепестки) прошли через мой сад за все эти годы. Среди них были и яростные проповедники, и изгнанные пророки, и бесстрашные воины, и оборванцы, и попрошайки, и счастливые матери, и богатые негодяи, и мелкие мошенники, и воришки, и целые семьи обездоленных беженцев в поизносившихся одеждах. Не было среди них только ангелов. И вот вчера, четвертого июня 2012 года, в праздничный день Святого Духа – они снова посетили мой сад.

Сотрясаемый холодным ветром и дождем, истрепанный и поникший, сад удостоился визита бестелесных, непрозреваемых, но подразумеваемых и потому иногда уловляемых человеческим взором, а паче так и фотообъективом, небесных сил.

Сад – утешительное убежище для неявных, едва прозреваемых нами сущностей.

Их только нужно увидеть – и угадать.

Лидия ГРИГОРЬЕВА
5 июня 2012, Лондон

▲ Бесо Хведелидзе в Непале

КРАСИТЬ РАДУГУ ПУЛЬВЕРИЗАТОРОМ

Где можно встретить цвет литературной богемы столицы? Правильно, на презентации новой книги. День рождения семнадцатого по счету сборника Бесо Хведелидзе отметили в книжном магазине «Диоген», который по совместительству представляет собой маленькое кафе и даже кинозал. Презентация новой книги – еще и отличный повод побеседовать с автором.

ПРО ЛЮБОВЬ

У Бесо карт-бланш. Он степенно, как он это умеет, потягивает холодный кофе, закуривает очередную сигарету и начинает рассказывать... о своем детстве.

«Те моменты, которые я до сих пор помню. Кстати, все это связано с любовью. Я ходил в русский детский сад. Моя прабабушка была украинкой. В детском саду стояли столики, за которыми мы ели суп или играли в кубики. Напротив меня всегда сидела одна девочка. Звали ее Ирина. Она мне очень нравилась. Нам было по три года. И вот однажды я подошел к ней и сказал, что я ее люблю. Она расплакалась и пошла к воспитательнице. А та потянула меня за ухо и поставила в угол. Всю неделю я был наказан и простоял в углу. Вот так я пострадал от первой любви. С тех пор эта девочка в садике не появлялась. А свою старшую дочь я назвал Ириной, в честь той девочки».

В его жизни много знаков, которые ведут его, как по ниточке. И все же главной любовью всей его жизни стала литература. И в этом мы неоднократно убедимся.

А пока маленький Бесо учится в школе на одни пятерки. И как положено любому советскому отличнику, выступает на всевозможных олимпиадах, спартакиадах и прочих интеллектуальных состязаниях.

«Моя фотография висела на доске почета рядом с портретом Брежнева. Потом Андропова, потом Черненко. В общем, генсеки менялись, а моя фотография продолжала висеть», - смеется Бесо.

Но когда чудесные школьные годы подошли к концу, возник вопрос – куда поступать. И тут литература вновь дала о себе знать.

Бесо пишет с раннего детства. Однажды прочитанная сказка так его захватила, что Бесо решил – он тоже так может. В старших классах писал кинозарисовки и собирался поступать на сценарный факультет театрального института. Но получилось так, что набор был раз в четыре года. Выяснилось, что ждать нужно еще три года, а этого Бесо позволить себе не мог. И он поступил на журналистику.

БЕСО ХВЕДЕЛИДЗЕ – ЖУРНАЛИСТ

Легендарный шестой корпус ТГУ. Деканом факультета был не менее легендарный Нодар Табидзе, племянник Галактиона. А однокурсниками Бесо были музыкант Ачиго Гуледани, ведущая и певица Нино Арашвили, политик Георгий Таргамадзе, модельер Лика Казбеги и многие, многие другие. На курсе училось 68 человек – 8 мальчиков и 60 девочек. Кстати, однокурсники впервые собрались в этом году, спустя 17 лет после окончания. Разумеется, идея принадлежала Бесо.

Журналистская карьера Бесо началась стремительно. Уже в 18 лет, попав в редакцию газеты «Мысль и комментарий», он сразу стал ответственным секретарем. Потом он первым среди грузинских журналистов попал в Грозный, когда туда бежал Звиад Гамсахурдиа. Увы, его студенчество пришлось на мрачные и страшные 90-е годы. Война, разруха, государственный переворот и никакой перспективы. Бесо добровольно поехал в Абхазию в 1992-ом как военный корреспондент.

«Тогда не было ни интернета, ни мобильных телефонов. Это сейчас мне смешно вспоминать, а тогда было очень страшно. Я пробыл там в общей сложности больше года. Моя первая жена, она родом из Сухуми, тогда работала на телеканале «Ибервизия», помогла

стикой. Он убедился в том, что это проза, настоящая художественная проза. После войны Бесо восемь лет проработал на скандально известном в те годы Радио 105. Это время он вспоминает с благодарностью и говорит, что радио в те темные, в прямом смысле слова, времена было для слушателей настоящей отдушиной. А для Хведелидзе-писателя впечатления от работы стали источником вдохновения на долгие годы.

И тогда литература пришла в его жизнь окончательно и бесповоротно. Ведь в его жизни много знаков. Например, объявление в газете, случайно увиденное и изменившее его жизнь. 1997 год. Гиви Алхазидзе набирает группу на факультет литературного мастерства в Институте культуры. Среди его студентов окажутся Бесо Хведелидзе, Мади Серебрякова, Софиго Кванталиани, Шалва Бакурадзе, Давид Робакидзе.

Вскоре в газете (ныне журнале) «Арили» состоялся дебют Бесо, опубликовали его рассказ. Сам признается – любовь к профессии всегда побеждает. «Литература – это навсегда. Только с ней я самый преданный и откровенный».

НИ ДНЯ БЕЗ СТРОЧКИ

Бесо Хведелидзе производит впечатление человека серьезного, уравновешенного, но на самом деле он любит одиночество, но не любит сидеть на одном месте.

Современные писатели не читают друг друга. Но не Бесо. Он – читатель благодарный и благодарный. В литературных кругах Бесо Хведелидзе – личность значительная, почти классик. Лауреат всех возможных премий, кроме премии Руставели. А еще недавно Бесо стал лауреатом премии «Саба»-2012. Как пошутил (а может, и нет) однажды поэт Евгений Степанов, опубликовавший его произведения в журнале «Зензивер»: «Бесо Хведелидзе. Прозаик, поэт. Родился в 1972 году в Тбилиси. Автор 17 книг. Редактор ежемесячного литературного журнала «Литературная палитра» (Грузия). Произведения переведены на 8 языков. Номинант на Нобелевскую премию».

Бесо говорит, что последнее предложение его очень повеселило.

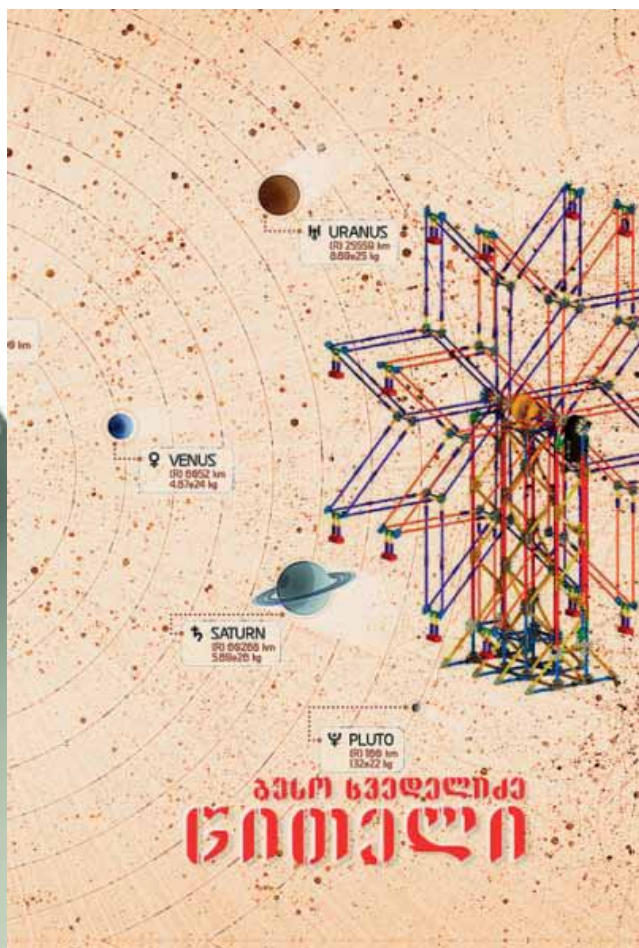
Он поистине подвижник от литературы. Непоняслышке знает, как трудно найти материал для ежемесячного издания. При том, что современную грузинскую литературу считает самой развитой отраслью культуры по сравнению с театром, кино, музыкой.

«Копирование и калькирование западного заставило потерять грузинские корни. А в литературе этого не произошло. Наоборот. За последние двадцать лет были созданы важные в мировом масштабе тексты. За двадцать лет в Грузии столько всего произошло, что хватит не на одно поколение писателей. Войны, смена власти, смена национальных ориентиров. Идут новые авторы. Те, кто сделали литературу своей профессией», - считает Бесо.

Впрочем, проблем он видит тоже много. И главная – это переводы. А точнее их отсутствие. Или такое низкое качество, что лучше бы их не было. Но это неудивительно.

«Мы ведь не имели живых контактов столько лет. Все меняется, тем более язык, тем более русский, если мы говорим о русских переводах. Надо сказать, что тексты переведены очень странно. Один рассказ может быть переведен разным русским языком. Русским, на котором говорили в 60-х, или 70-х, или 90-х, или в наше время. А такая языковая каша не позволяет произведению звучать и передавать заложенный в нем смысл, интонацию, даже юмор, если хотите. Мы застряли. Нельзя же, в самом деле, грузинскую «чернуху» 90-х годов переводить языком шестидесятников!»

А переводы нужны. Можете представить, каково

мне пережить этот кошмар. Зброшенныя деревни, лазарет, интервью, убитые, живые, раненые. Когда прошли годы, и я стал писателем, многие меня спрашивали, почему я не пишу о войне. А я не знаю, как мне об этом писать. Только спустя 16 лет написал рассказ под названием «Мышиный вкус». Думаю, я не могу писать об этом прозу, а мемуары писать не хочу. Впрочем, может, и напишу цикл маленьких рассказов».

Но то, что Бесо писал на войне не было публици-

было разочарование Бесо, когда, побывав в одном из крупнейших книжных магазинов во Франкфурте, он обнаружил там переводные книги из Албании и Судана, из Армении и Азербайджана, но не из Грузии. И это не только художественная литература, но и страноведение, и специализированные книги.

Но Хведелидзе не был бы подвижником, если бы не нашел способа это исправить.

В прошлом году грузинские писатели по инициативе Бесо и ПЭН-центра Грузии совместно с азербайджанскими коллегами издали альманах под названием «Контакт». Первый в планируемой серии. Собрали под одной обложкой по девять переведенных на русский рассказов с грузинской и азербайджанской стороны, издали их в Тбилиси тиражом в 200 экземпляров. Сейчас собираются делать такой же альманах с армянами и белорусами. По задумке Бесо, в идеале должно быть издано 15 томов.

«Нам ведь важно знать, что там происходит, о чем пишут наши ровесники. Проза – секундомер современной жизни. И все на русском будет издано, поскольку русский всегда будет средством коммуникации на постсоветском пространстве».

И в этом плане Бесо считает проводимые МКПС «Русский клуб» поэтические фестивали настоящим прорывом. Такие культурные мосты необходимы. Да, есть интернет, но живое общение – совсем другое. Очень важно, что участниками фестиваля становились не только поэты, но и главные редакторы литературных журналов, издатели.

ТАМ И СОЛНЦЕ ИНОГДА СТАНОВИТСЯ ЛУНОЙ

Однако, вернемся ко дню рождения книги. Перед презентацией Бесо говорит шепотом. Волнуется. На презентации собралось полсотни человек. Самых разных. Поэтов, критиков и журналистов. Просто друзей. Просто поклонников творчества.

Идея создания поэтического сборника пришла к Бесо на прошлогоднем Международном русско-грузинском поэтическом фестивале.

«Я понял, что созрело. Я точно знаю, что стихов больше писать не буду. И понял, что должен собрать свои стихи в одном сборнике».

По сути, на создание этого сборника ушло 15 лет. Это своеобразная биография писателя Хведелидзе. У этой книги своя внутренняя хронология. Не календарная, а душевная. Поэтому все стихи такие разные. Все стихи посвящены кому-либо или чему-либо. Но не адресованы. Только автор и его стих знают, о ком он написан. Несомненно, это книга о любви и для любви.

Называется сборник «Закрытые глаза Боба Марли». Автор обложки – брат, Нико Хведелидзе.

Выступивший на презентации близкий друг Бесо, поэт и участник русско-грузинских поэтических фестивалей Шалва Бакурадзе отметил: «Это особенная книга, потому что изданные прозаиком стихи всегда смотрятся по-другому. Я думаю, эта книга – о свободе. Ведь Боб Марли в сознании многих – это внутренняя свобода, открытость. Возможно даже, это лучшая книга Бесо, потому что когда он начинает писать стихи, он становится самым лучшим. Больше всего я люблю его, когда он пишет стихи. Он самый талантливый человек из всех, кого я знаю».

Трудно не согласиться с лучшим другом.

Бесо придерживается заветов классика и пишет каждый день. Особенно по утрам.

«К сожалению, в Грузии нет и, наверно, никогда не будет возможности просто писать. Приходится зарабатывать на жизнь чем-то другим. У меня в архиве около ста текстов – рассказы, несколько романов. Я в параллельном режиме работаю над несколькими про-

▲ Бесо Хведелидзе

изведениями», - признается мастер.

Хорошая литература для него, это та, которая отвечает на два вопроса: что и как. Что написано и как написано. И в обоих писатель должен быть профессионалом.

НАМАСТЕ

А теперь ненадолго возвратимся в детство. Представьте себе мальчика восьми лет, стоящего на кровати перед сном и разглядывающего подаренную дедушкой карту мира размером в стену. Она настолько огромная, что видны не только страны и города, но даже маленькие деревеньки. Тогда у Бесо появилось три мечты. Попасть в Голландию, Непал и на Ямайку.

Две мечты уже исполнены. В Голландии Бесо доработал свой поэтический сборник. А раз Боб Марли закрыл глаза, значит и на Ямайку он непременно попадет.

Но Непал случился в его жизни неожиданно и навсегда.

«Грузия и Непал установили безвизовые отношения. Берешь загранпаспорт, садишься в самолет и ты уже в Непале. Там я пробыл 15 дней. Но я обязательно туда еще поеду этой осенью. Я бы даже жил там с удовольствием. У каждого есть представление об этой загадочной стране. Но когда ты соприкасаешься с ней вживую, то понимаешь, что это другое измерение. 12 апреля, когда я там был, в Непале праздновали новый год – 2069-й. На сколько же лет они нас опережают. Непал очень похож на Грузию. В первую очередь, горами. Гималаи и Кавкасиони. Правда, высота у них разная. Аура доброжелательности окутывает тебя еще в аэропорту. Непальцы невысокие ростом, поэтому чувствуешь себя просто Гулливером. У них есть живая богиня – Кумари. Маленькая девочка. Меня поразила церемония кремации – очень красивый и глубоко философский ритуал. Везде пестрота, постоянная торговля, все за гроши, дети-попрошайки – форменное альпийское нищенство. После возвращения домой у меня целую неделю была высокая температура. Непал мне снился, и я понял, что это моя страна».

О Непале уже в этом году Бесо обещает опубликовать роман-путешествие под названием «Намасте». Это приветствие, имеющее много значений.

У него за плечами большая сложная жизнь. Впрочем... Какой самый счастливый день в твоей жизни? - спрашиваю. Пока такого не было. Бесо убежден, что в сорок лет жизнь только начинается.

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

ПЛАНКУ ЗАДАЕТ БОЛЬШОЙ

■ **«Николай Цискаридзе в Тбилиси!»** Народный артист России приехал в Грузию принять участие в Гала-концерте, посвященном 70-летию Мариса Лиепы.

Новость о приезде знаменитого танцовщика в родной город разлетелась среди журналистов молниеносно. Отложив все дела, я побежала на пресс-конференцию, которую он давал в гостинице «Марриотт». Застать Цискаридзе не удалось. Но журналисты – народ упорный. Выяснив, что Цискаридзе после общения с прессой уехал в старую часть города, я помчалась к Майдану. Преодолев крутой подъем к Нарикала, увидела его сидящим на лавочке и дающим интервью. Пиар-менеджер артиста предупредила, что из-за насыщенного графика он вряд ли сможет выкроить время для беседы. «Но все же попытайтесь», - посоветовала она. То ли атмосфера старого города, то ли моя настойчивость, то ли просто хорошее расположение духа Николая, но разговор не только состоялся, но и продлился довольно долго. Напоследок он попросил сфотографировать его на фоне города, где видны Кура, храм Самеба и Мост мира – на память.

- Тбилиси – город вашего детства. Каким вы его помните?

- Я помню, что мне здесь было тепло и уютно. Но, знаете, лучше не возвращаться туда, где было хорошо. Недавно, во время моего пребывания в США, моя знакомая предложила организовать встречу с моими одноклассниками. И показала их странички в социальных сетях. Когда я увидел их теперешнюю жизнь, мне стало понятно, насколько мы далеки и разобщены. Встретившись, мы не испытаем чувств и ощущений, которые были в детстве. Поэтому я не люблю никуда возвращаться.

- Что скажете про современный Тбилиси?

- Главное, чтоб Тбилиси был удобен тбилисцам. Я в гостях. Мне нравится. Вода у вас хорошая, можно пить ее из-под крана, фрукты вкусные, тепло... Мне не хватает людей, среди которых я вырос. Остались несколько семей, с которыми я знаком. Остальные – чужие люди. Это все равно, как если бы я приехал в незнакомое место. Ведь город – это люди.

- Грузин, выросший и состоявшийся в России... Кем вы себя ощущаете?

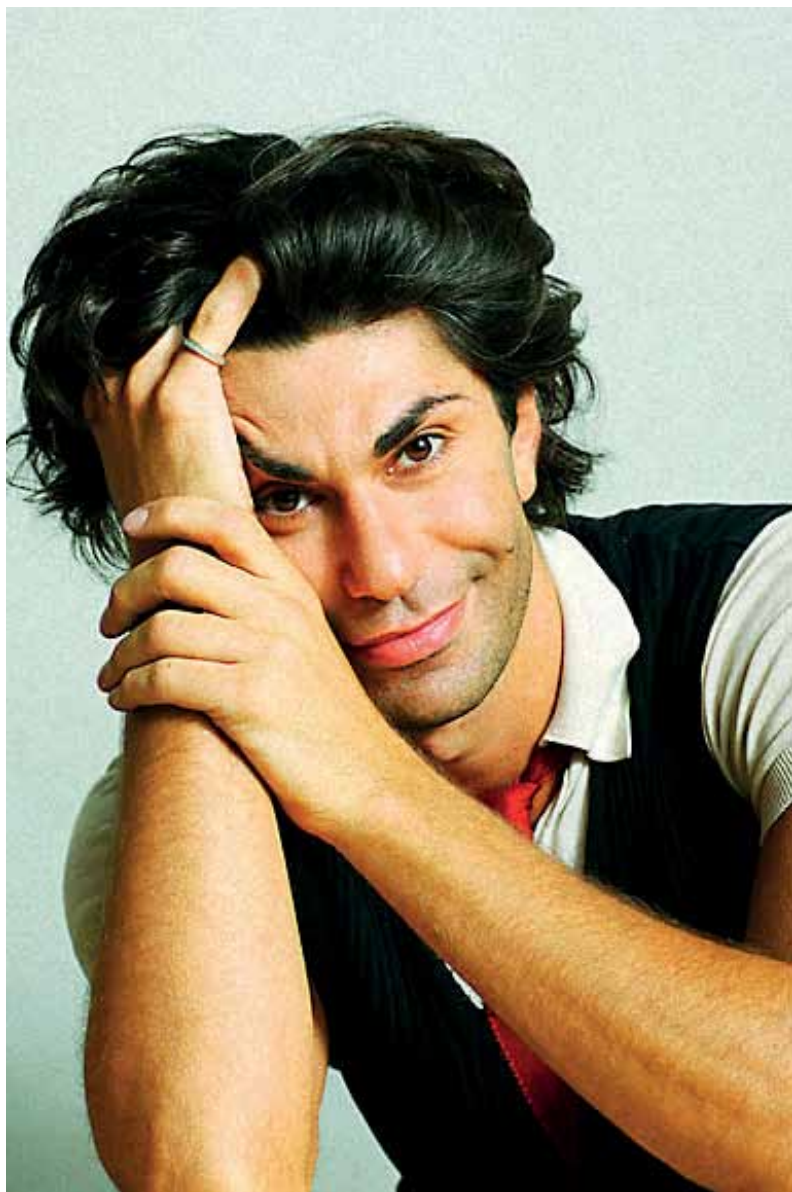
- Я грузин – по национальности и русский – как артист. И этим горжусь. Вырос в русской школе, всю жизнь работаю в русском театре. Никогда другим уже не буду – другую кровь я себе перелить не смогу и принадлежность свою к русскому театру изменить тоже.

- В чем проявляются ваши кавказские корни?

- Я по-восточному вспыльчив. Дом мой всегда открыт для гостей. Но вот длительные грузинские застолья меня тяготят. Как и тосты. Слова – это футляры, за ними ничего стоит. А я всегда думаю о содержании. Так что по мышлению я москвич. Но знаю точно – мое мировоззрение сформировал старый Тбилиси. Потрясающее время и потрясающие отношения друг к другу. Тбилиси во многом определил мое отношение к разным вещам. Тбилиси был вольный город. Те фильмы, которые в Москве демонстрировали лишь на закрытых показах, шли в тбилисских кинотеатрах с большим успехом. Моя мама очень дружила с «киношниками», и я многое видел из того, что другим было недоступно. Когда приехал в Москву, оказалось, что я более образован, чем мои одноклассники. И в этом была заслуга Тбилиси. На самом деле, в емкое понятие старого Тбилиси входила узкая элита. И, слава богу, моя семья имела доступ к этому сообществу. Оно очень отличалось от того, что я увидел потом в Москве. В моей школе при хореографическом училище учились Таня Андропова, Ксюша Горбачева, Алиса Хазанова, ее отец был просто бешено популярен в то время. У меня старт был сразу большой – моей партнершей в классе была Оля Елисеева, дочь Валентина Гафта. Так что я с детства попал в театральную среду. Но по духу Тбилиси превосходил высшее московское общество. И сильно. К сожалению, теперь все это – «унесенное ветром». Я прогулялся по Тбилиси и был счастлив, увидев памятник Софино Чиатурели. Она была фантастической актрисой и принадлежала культуре, которая потихоньку исчезает.

- А как изменилась Москва?

- Когда я приехал в Москву, в городе было одно хореографическое училище. Теперь их больше пяти. Но вряд ли можно сказать, что количество перешло в качество. Обучиться балетному искусству сегодня можно только в Санкт-Петербургской академии русского балета имени А.Я. Вагановой или в школе при Гранд-опера в Париже. Учиться для большой карьеры практически нигде. Есть три столицы мира, которым по жизни, по ритму, по количеству событий нет равных – это Лондон, Нью-Йорк и Москва. В Москве много контрастов. Здесь сильно ощущается разница в классах. Она очень жестокая, и всегда была такой. Москва слезам и правда не верит. Но это – мой город, я понимаю его. Хотя

▲ Николай Цискаридзе

жить в нем сложно. Тбилиси я тоже люблю, но он мне непонятен. Мама моя выросла в Москве. Но незадолго до моего рождения приехала в Тбилиси. Она считала, что грузин должен родиться в Грузии. Маме Москва не нравилась, она любила Тбилиси с его спокойной и размеренной жизнью.

- Русский классический балет сегодня и, скажем, 50 лет назад – одно и то же?

- Русский балет был, есть и останется русским балетом. Классическая школа не меняется, могут добавляться какие-то элементы, но база – та же.

Единственное замечание – большое влияние на балет стал оказывать спорт. В спорте раньше прыгали на метр пятьдесят, сегодня – на два сорок. В балете делали четыре пируэта, сейчас – пять. Человеческий организм развивается. Другое дело, что есть разница между хорошим балетом и плохим. Советую всем ходить в большие театры, где работают хорошие артисты. Ведь балет – это синтетическое искусство, требующее больших затрат – и материальных, и эмоциональных. Балет – это не только там, где танцуют, это еще и освещение, и техническое оснащение, и пространство. Балет – это коллективное творчество. Просто в центре всего стоит артист.

- Насколько важны личные отношения артиста, который в центре, с теми, кто вокруг?

- Половину людей из труппы я вообще не вижу. Я работаю на одном этаже, они на другом. Репетиции у нас в разное время, моя раздевалка находится в другой части здания. Я вижу их только во время спектакля и то, находясь на сцене, занят своей работой. Если мы и встретимся случайно, то в буфете.

- Чем отличается западная школа балета от русской?

- Ничем. Ее просто нет. У нас есть система государственной поддержки балета, которая серьезно готовит людей к сцене и тратит на это деньги, на Западе – только частные школы.

- А в частной школе нельзя подготовить артиста?

- Это невозможно. Нужны гигантские деньги, чтоб содержать школу на должном уровне. Чтобы ваша мышца вытренировалась, надо потратить много-много часов однотипной работы в определенное конкретное время. В частных школах постоянно поддерживать такой режим в течение длительного времени невозможно. Хотя сегодня стали появляться танцовщики на Западе, но до уровня артиста русского балета они не дотягивают.

- Балет – дорогое удовольствие...

- Я бы даже сказал, балет – это придворное удовольствие. Оно никогда и не было площадным.

- Когда человек искусства достигает высот, у него появляются и поклонники, и завистники. Как вы к ним относитесь?

- Это неотъемлемые части успеха. У артиста должны быть и поклонники, и недоброжелатели. Тот артист, который говорит, что не гонится за славой, лукавит. Если то, что ты делаешь, не нравится людям, значит, ты не востребован. А недоброжелатели – ну что поделать, они были всегда. Сейчас, благодаря Интернету, их стало больше. Любой может кинуть в тебя камень. С этим тоже надо жить. Се ля ви. В балете, как и в армии, есть сержанты, майоры, генералы. В нем недопустима демократия. Просто тот, кто является профессионалом, становится сильным воином.

- Как реагируете на нападки недоброжелателей? Игнорируете?

- Я нахожусь в том профессиональном возрасте, когда мне неважно, кто и что говорит. Я – дедушка русского балета. Я – там, куда им не добраться никогда. Да, нападки завистников – это обидно. Есть артисты, вокруг которых нет дискуссий. Я представляю, какие они несчастные и как они мечтают, чтобы о них хоть что-нибудь сказали. Если про тебя говорят, значит, ты чего-то достиг.

- Есть партия в балете, которую вы бы не станце-

вали?

- Я никогда не брался не за свое амплуа. Никогда не лез на чужую территорию. Например, не берусь за героические роли – они мне не нужны.

- А как нашли свое амплуа?

- Умные педагоги посоветовали, и интуиция подсказала. Всем управляет твой мозг – и ногами, и руками, и карьерой. Если бы у меня был другой мозг, я был бы другим человеком. Все, что происходило со мной, происходило логично. Никто никогда за меня не просил. Наоборот – просят меня. А я иногда отказываюсь – времени нет. Просто я никогда в жизни не лез туда, где был не нужен. Если понимаю, что кому-то не нравится то, что делаю, то просто не навязываюсь. Я занимаюсь тем, чем хочется мне. Когда человек делает то, что любит, и обладает способностями к своей профессии, он обычно приходит к успеху.

- Сейчас вас знают как успешного артиста. Но за успехом стоит большой труд. Какой совет вы бы дали тем, кто только начал танцевать?

- О, сейчас я бы не хотел оказаться там, в начале пути...

- Но вы его прошли...

- Да, но тогда меня от многих бед спасло только то, что я не понимал, куда ступил. Многие вещи я делал, искренне не понимая, что происходит, и обходил ловушки просто потому, что не понимал, что это ловушки. Если бы у меня тогда был сегодняшний опыт, я бы во многие двери не стучался. А тогда у меня синяков не было. И я шел напролом.

- На том пути не было моментов, когда хотелось все бросить?

- Никогда. У меня была цель – попасть в Большой театр. И я достиг ее – в довольно короткий срок. Я вообще всего добился быстро. Никто и никогда не достигал карьерного успеха так быстро, как я.

- Благодаря чему, как думаете?

- Благодаря труду, способностям и удаче. Мне всегда на пути попадались хорошие педагоги – самые лучшие. Генетика плюс хорошие педагоги – это и есть слагаемые успеха. Ну и трудолюбие, конечно. Без этого никуда.

- В последнее время люди искусства часто становятся политически активными. Как вы к этому относитесь?

- Я считаю, что артист должен быть аполитичным и не должен выражать свою гражданскую позицию. Артисты – это люди, как правило, популярные, скажем так, они – медийные лица. Примыкая к тем или иным политическим лидерам, они волей-неволей оказывают

вливание на своих поклонников. Я считаю так – или ты артист, или политик.

- Но с другой стороны, артист – такой же гражданин, как и все, и может иметь свою точку зрения на все.

- Для этого есть урна для голосования. Он может проголосовать – и так обозначить свои взгляды. Это его право. А агитировать за ту или иную партию – мне такой подход не нравится. Я считаю это неправильным. Про политические воззрения я могу рассказать вам на кухне, но не с экрана телевизора. Я сам этого никогда не делаю. Хотя взгляды у меня всегда конкретные.

- Насколько правдивы байки о том, что танцовщицы подкладывают друг другу гвозди в пуанты, и прочих пакостях?

- Да, среди солистов такое бывает. Они не только вставляют палки в колеса, но готовы ноги оторвать, лишь бы тебе чем-то насолить.

- Как противостоять этому?

- Быть умнее и хитрее него, чтобы не попасть в ловушку. Предвидеть действия недоброжелателя на шаг вперед.

- Балет – хорошая школа жизни...

- Не только балет. Конкуренция есть везде. На заводе – те же проблемы. Только рабочие не стоят на сцене в пачках и трико. А артисты балета – на переднем плане, их видят и больше.

- При такой загруженности есть ли время на личную жизнь?

- Вопрос о личной жизни, как и вопрос о политических пристрастиях. В ванной есть дверь. Когда мы идем в ванную, мы закрываем ее и нико-

го туда не пускаем. Так и личная жизнь. Она есть, но в ней – дверь. Так было в том Тбилиси, где я вырос. В старом городе никогда не спрашивали о трех вещах: сколько ты получаешь, с кем ты спишь и какой ты национальности.

- Не спрашивали, но знали...

- Об этом не говорили. А кто говорил – тот сплетничал. Про меня не пишут в желтой прессе, потому что я не занимаюсь сплетнями. Я не хожу туда, где папарацци. Не бываю там, где камеры. У меня есть дверь в личную жизнь, которую я закрываю. И там у меня своя жизнь.

- Но элитные мероприятия вы посещаете...

- Я хожу только на те мероприятия, которые устраивают мои друзья. Мне все равно, где и какой открылся очередной бутик. Если мне интересна выставка, я пойду не на церемонию открытия, а в обычный день.

- Вы преподаете. Какой вы педагог?

- Я преподаю, но обучаю не детей, а уже артистов, то есть веду в театре балетный класс. У меня есть два артиста, с которыми я особенно много занимаюсь, но часто веду и массовые репетиции. А педагог я очень жестокий. Сам, будучи учеником, не знал другого обращения. В балете по-другому нельзя. Я, конечно, добавляю свой опыт к тому, что перенял от своих педагогов.

Вообще, стараюсь отговорить родителей, если не вижу в ребенке яркого таланта. Педагог – это сложная

профессия. Ты занимаешься не своей, а чужой жизнью. Мало кто понимает, насколько это ответственно. К сожалению, среди учителей много тех, кто просто не имеет права работать преподавателем.

- Какое чувство может испытывать учитель, которого превзошел ученик?

- Шикарное. Я был бы очень рад. У меня нет зависти. Я максимально реализовался на сцене, и реализовался очень рано. Такая скорая карьера – большой груз ответственности. Когда твое имя опережает твой выход на сцену, каждый раз ты должен подтверждать свой профессионализм. Я много раз говорил, что олимпийцам хорошо, они выигрывают Олимпиаду один раз в жизни – и на всю жизнь они остаются олимпийскими чемпионами. А народный артист доказывает свое звание каждый раз.

- Наступает ли пресыщенность сценой?

- Пресыщенности сценой не может быть. Есть усталость и напряжение. Но профессионал – как собака Павлова, которая реагирует на лампочку. Ты устал, но приходит момент, и ты встаешь и продолжаешь делать свое дело. Другой вопрос, что это очень сложно. В какой-то момент ты просто не хочешь реагировать на эту лампочку. Если я почувствую, что должен сократить какое-то движение, то предпочту отказаться целиком от балета. Это значит, я высказался в нем настолько полностью, что мне уже неинтересно. Есть артисты, которые по 30 лет держатся на сцене. Их давно уже нельзя смотреть. А они все равно цепляются за сцену изо всех сил. Набирают лишний вес, идут все вширь и вширь – а все равно выходят на сцену, лишь бы аплодисменты услышать. У меня такого нет. Если я захочу аплодисментов, мне достаточно будет спуститься в метро или пройтись по городу. Это сложный психологический момент. Я никого не осуждаю, наоборот, очень хорошо понимаю их, но мне еще в детстве не хотелось быть такими, как они.

- Видимо, у балетного артиста должны быть крепкие нервы...

- Я всегда объясняю своим ученикам – танцуй, вы должны быть, как киллер.

- В каком смысле?

- Когда находишься на сцене, не позволяй эмоциям взять над собой верх. Надо быть хладнокровным, как киллер, или, если хотите, как хирург. На сцену надо выходить с трезвыми мозгами. Наша профессия – это ремесло. Об этом хорошо сказала Верико Анджапаридзе: «Я могу рассказать вам анекдот, а потом выйти на сцену и сыграть смерть сына так, что весь зал будет плакать. А как у меня это получается, сама не знаю». Верико, конечно, была гениальна от природы, но она еще и в совершенстве владела ремеслом. Чтобы стать Верико Анджапаридзе, надо ею родиться. Чтобы стать Николаем Цискаридзе, надо выучиться в московской школе у самых лучших педагогов, но при этом родиться Николаем Цискаридзе – с такими ногами, руками и мозгами. Ведь, как точно подметила Майя Плисецкая: «Я слишком поздно поняла, что в балете главное – не шея, а голова». Это гениальные слова.

- Как представляете себя вне балета?

- У меня нет сожаления, что это скоро закончится. Правда, ни одной секунды. Более того, я немного рад, что это скоро закончится. Нести такую огромную ответственность очень сложно. Танцевать хуже я не хочу. Стоять на сцене для того, чтоб просто получать аплодисменты, мне неинтересно. Мне аплодируют с детства. Я привык к овациям. Для меня аплодисменты – возможность перевести дыхание.

- Что будете делать, когда уйдете из театра?

- Валяться на диване и читать книжки (улыбается).

Яна ИСРАЕЛЯН

ГРУЗИНСКИЕ СТРАНИЦЫ

*Ректору Тбилисской консерватории
Манане Дойджашвили*

Человечество отмечает 85-летие одного из величайших виолончелистов всех времен – Мстислава Ростроповича. Воздадим и мы должное памяти великого музыканта, виолончелиста и дирижера, обратившись, в частности, к грузинским страницам его творческой биографии, каковых немало. Грузию Мстислав Ростропович впервые посетил в 1973 году, уже будучи всемирно известным. Провел цикл камерных концертов – по два ежедневно! Беспрецедентный случай! Играл и с симфоническим оркестром.

К этому времени у артиста назревал конфликт с высшестоящими органами (попросту с КГБ) в связи с его диссидентскими настроениями и, особенно, дружбой с А.Солженицыным, которого он поселил у себя на даче.

Я несколько раз побывал на концертах Ростроповича. На одном из них, передав ему корзину цветов от имени Союза композиторов Грузии, я сказал: «Пожалуйста, передайте вашему другу, что у него в Грузии много почитателей. Думаю, ему будет интересно узнать об этом». Лицо Ростроповича просияло. Он спросил мою фамилию и обещал выполнить просьбу. Меня запомнил. Много позже, после возвращения из вынужденной эмиграции (изгнания) вместе с супругой, выдающейся певицей Галиной Вишневской, всегда здоровался, улыбался при встрече.

После возвращения на родину Мстислав Леопольдович несколько раз побывал в Грузии, играл в Тбилиси и в Батуми, дружил с грузинскими композиторами. Гия Канчели посвятил ему свою пьесу для виолончели – соло «После плача».

А теперь о втором любопытном случае, правда, заочном, связывающем Ростроповича с Грузией. Весной 2003 года исполнялось 100-летие со дня рождения выдающегося русского музыковеда, легендарной личности Ивана Соллертинского, горячим почитателем которого я был. Уже в 70-е годы я подружился с сыном Ивана Ивановича Дмитрием и его семьей. Побывал на квартире Соллертинских в Ленинграде на Московском проспекте. Так вот, будучи заведующим кафедрой истории музыки Тбилисской консерватории, я решил провести юбилейный вечер И.Соллертинского, о чем известил Дмитрия Соллертинского. Вечер состоялся в Малом зале консерватории, вызвав большой интерес аудитории. После моего доклада был концерт. На другой день в адрес консерватории и ее ректора Мананы Дойджашвили поступили благодарственные письма из Петербурга – ректора консерватории профессора Сергея Ролдугина, композитора Бориса Тищенко, Дмитрия Соллертинского. И из Парижа М.Ростроповича.

Дорогой друг! Сегодня вечером в Вашей консерватории отмечается 100-летие со дня рождения И.И. Соллертинского. Я хочу от всей души поблагодарить Вас и всех грузинских музыкантов за память о великом человеке – И.И. Соллертинском. Его деятельность внесла огромный вклад в понимании классической и особенно современной музыки. Несмотря на его раннюю смерть, он навсегда останется в истории русской музыки.

Я желаю Вам, Манана Левановна, и всем Вашим музыкантам и сотрудникам много лет здоровья и счастья.

Искренне Ваш, М.Ростропович 13.05.2003

И все-таки самым главным культурологическим памятником по данной теме мне представляется художественно-документальный фильм известного кинорежиссера Зураба Инашвили «Выдающийся маэстро Мстислав Ростропович прощается с Дон Кихотом». Имеется в виду герой бессмертного творения Сервантеса и одноименная симфоническая поэма Р. Штрауса, где Ростропович бесподобно исполнил ведущую партию виолончели.

В Тбилиси премьера фильма состоялась в конце мая 2004 года в Большом зале Тбилисской консерватории и прошла с огромным успехом. Идея фильма принадлежала самому Ростроповичу, техническое осуществление – Японскому общественному телевидению (продюсер – Риота Катани). В его основе исполнение Ростроповичем сольной партии виолончели в симфонической поэме Р.Штрауса в Японии в 2002 году (дирижировал Сеиджи Одзава), которое сам музыкант назвал «прощанием с Дон Кихотом», то есть последним своим исполнением поэмы. Когда встал вопрос о создании киноверсии «Прощания», выбор Ростроповича остановился на грузинском режиссере Зурабе Инашвили.

Музыкальное «повествование» в фильме перемежается с красочно-иллюстративным материалом (место действия Испания!) и, что очень важно, глубокими профессиональными рассуждениями и комментариями Ростроповича, бесценный материал для будущих исполнителей поэмы Р.Штрауса. Этот фильм – подлинное «полифоническое» полотно, сочетающее широкий спектр выразительных, пластических и визуальных средств.

Спасибо замечательному кинорежиссеру Зурабу Инашвили, запечатлевшему не только зримый образ, но, что важнее, исполнительский, педагогический и философско-эстетический феномен великого музыканта.

Гулбат ТОРАДЗЕ

ПЕТР БАГРАТИОН: «УМРУ ЧЕСТНО...»

В Пантеоне героев 1812 года Петр Иванович Багратион стоит на одном из первых мест – сразу после Михаила Илларионовича Кутузова, рядом с Барклаем де Толли и значительно выше других видных, талантливых военачальников того времени.

Попробуем оживить его образ палитрой жизненной правды, сотканной из высказываний современников. «Князь Багратион – наиотличнейший генерал, достойный высших степеней», – говорил о нем Александр Васильевич Суворов. Наполеон называл его «лучшим генералом русской армии», а граф Ростопчин иначе не называл Багратиона, как «генерал по образу и подобию Суворова».

Кавалер всех высших российских орденов, генерал от инфантерии Петр Иванович Багратион принадлежал к старшей линии царственного дома Багратионов, что подтверждает надпись на памятнике на кладбище Всесвятской церкви в Москве: «Под сим камнем положено тело грузинского царевича Александра сына, князя Ивана Александровича Багратиона, родившегося в 1730 года ноября в 1-й день, прожившего 65 лет, скончавшегося в 1795 году. Сей памятник воздвигнул любезнейший сын его, князь Петр Иванович Багратион».

Среди его ближайших родственников был царь Вахтанг VI, выдающийся государственный и общественный

деятель Грузии первой половины XVIII века, который вынужден был в 1723 году, вместе со свитой из знатнейших грузинских родов в 1200 человек переселиться в Россию. Многие из них навсегда связали свою судьбу с ней, став родоначальниками известных российских княжеских и дворянских родов. После смерти Вахтанга VI, с разрешения его вдовы и сына царевича Бакара многие представители старшей ветви Багратионов приняли российское подданство и поступили на русскую службу.

С тех пор переселение грузин в пределы России не прекращалось. При императрице Елизавете из числа переселенцев образован был в русской армии особый грузинский гусарский полк. Брат Вахтанга VI Иесе царствовал в Грузии в течение нескольких лет. После его кончины на трон Картли-Кахети взошла кахетинская ветвь Багратионов. Сыновья Иесе продолжали жить в Грузии, но в середине XVIII века один из них, Александр, вынужден был переселиться в Россию, в Кизляр. Там он поступил на службу в комендантскую команду при местном гарнизоне. На военную службу поступил и его сын Иван. С тех пор их дети и внуки служили верой и правдой новому отечеству.

Петр Иванович службу начал в Астраханском пехотном полку, преобразованном впоследствии в Кавказский мушкетерский, расквартированном в окрест-

ностях Кизляра, пройдя все ступени военной службы – от сержанта до капитана.

Жизнь Багратиона могла оборваться в самом начале военной карьеры, но судьба оказалась к нему милостивой. «Казалось, что провидение хранило его до Бородинского дня», - говорил позже Денис Давыдов.

В 1785 году в Чечню была послана военная экспедиция для пленения шейха Мансура. Выполнение этой задачи было поручено отряду полковника Де Пиери, адъютантом которого был унтер-офицер Багратион. Отряд попал в засаду и с огромными потерями вышел к переправе. Только одна группа солдат продолжала мужественно отбиваться, ею руководил Багратион. Получив несколько ранений, он продолжал сражаться, пока не обессилел от ран и не упал. Его подобрала чеченцы. Шейх Мансур, из признательности к отцу Багратиона, оказавшему ему некогда услугу, приказал перевязать ему раны и доставить в русский лагерь без выкупа. С 1792 года Багратион служит в Киевском конно-егерском и Софийском карабинерном полках. Багратион был назначен шефом лейб-егерского батальона, переформированного впоследствии в полк, и оставался в этой должности до самой смерти. Следует отметить, что грузин по происхождению, Багратион не забывал о родине своих предков. Он переписывался со многими представителями грузинской знати и знал о происходящих событиях.

Багратион своей храбростью заслужил прижизненную славу легенды. Известен броский каламбур Гаврилы Державина: «Багратион – Бог рати он!»

«Со млеком материнским, - писал впоследствии Багратион, - влил я в себя дух к воинственным подвигам». При этом он не был фанатичным воякой, ради победы готовым слепо вести людей на смерть. Его солдаты всегда были хорошо одеты и накормлены, а для офицеров из своего ближайшего окружения он нередко устраивал роскошные пиры. Лучшим подтверждением является его письмо графу Аракчееву от 25 сентября 1809 года: «Я сам с ними ничего не жалею. Последней копейкой моих верных пою и кормлю и даю им за отличие. Я лучше умру, нежели покушаю из суммы экстраординарной. Умру честно и голый». Солдаты любили своего полководца и называли его «наш орел». После кампании 1805 года, во время которой Багратион сумел прорваться из окружения с пленными французами и трофеями, Москва и Петербург встречали его как национального героя. В честь Багратиона давали балы и обеды. Лев Толстой, описывая в «Войне и мире» банкет, устроенный в Москве в честь последней кампании, на котором после тоста за царя был провозглашен тост за здоровье Петра Ивановича, пишет: «Ура! - опять закричали голоса трехсот гостей, и вместо музыки послышались певчие, певшие кантату сочинения Павла Ивановича Кутузова: «Тщетны россам все препоны, / Храбрость есть побед залог, / Есть у нас Багратионы, / Будут все враги у ног».

Литографические портреты генерала висели в светских гостиных и в крестьянских избах. Александр I

произвел Багратиона в генерал-лейтенанты, а 6-й егерский полк первым в истории получил в награду серебряные георгиевские трубы. В сражении под Аустерлицем только колонна Багратиона выдержала натиск французов, и князь получил орден Святого Георгия II степени. За Фридланд его наградили золотой шпагой с алмазами «За храбрость». За подвиги в 1808 году в войне против Швеции Багратион получает чин генерала от инфантерии (полного генерала). Город Прейсиш-Эйлау – свидетель славы Багратиона, сегодня носит его имя – Багратионовск (Калининградская область).

Когда Наполеон перешел через Неман, Багратион отправил императору Александру план будущей войны. Но высочайшее одобрение получил план генерала Барклая-де-Толли, хотя один из багратионовских пунктов – организация народного ополчения – был практически воплощен в жизнь. Н.Б. Голицын (сын А.А. Грузинской (Багратион) и его близкого друга Б.А. Голицына), который находился при нем во время Бородинского сражения, вспоминал: «В этом муже достоинства великого полководца были украшены качествами доблестного гражданина... Он знал, что после соединения обеих армий он должен был поступить под начальство младшего его по чину генерала Барклая-де-Толли... Когда Барклай прибыл в Смоленск, Багратион сказал ему: «Я к вам являюсь как к начальнику: теперь не время считаться старшинством по службе, Россия в опасности, Государь повелевает, мы должны думать только о спасении отечества, и к этой цели направить наши общие усилия».

«Я в нем нашел человека благоразумнейших

▼ В.Тропинин. «Портрет князя П.И. Багратиона»

свойств, исполненного возвышенных чувствований и любви к отечеству», - писал о нем впоследствии Барклай-де-Толли императору Александру I. Багратион не разделял мнения о необходимости стратегического отступления, но приходилось отступать. «Скажите ради бога, - обращался он к графу Аракчееву, - что наша Россия-мать скажет... Чего страшимся и за что такое доброе и усердное отечество отдаем сволочам?! Надо драться, пока Россия может и пока люди на ногах, ибо война теперь не обыкновенная, а национальная и надо поддержать честь свою».

По традиции в решающих сражениях надевали парадные мундиры. В Бородинском бою, последнем сражении в его жизни, он был одет так, как на портрете, исполненном в мастерской Д.Дюу. А.П. Ермолов писал: «Князь Багратион одушевлял войска, идущие вперед, своим присутствием, чувствуя себя пораженным и избегая вредного действия на дух боготворящих его войск, скрывает терзающую его боль, но ослабевает от истекающей крови, в глаза их едва не падает с лошади. В мгновение пронесся слух о его смерти, и войска невозможно удержать от замешательства. Никто не внемлет грозящей опасности, никто не брежет о собственной защите: одно общее чувство – отчаяние! Около полудня 2-я армия была в таком состоянии, что некоторые ее части не иначе, как отдалая на выстрел, возможно было привести в порядок». Сопровождал раненного Багратиона в с. Симы Владимирской губернии Н.Б. Голицын. Хозяин Симской вотчины генерал-лейтенант князь Б.А. Голицын, командовал Владимирским ополчением и участвовал в сражении 26 августа при Бородино.

Из письма Багратиона Александру I после Бородинского сражения: «В сей день, всемилостивейший государь, войско русское показало совершенную неустрашимость и неслыханную храбрость от генерала до солдата. ... в деле 26-го я довольно не легко ранен в левую ногу пулею с раздроблением кости; но нималейше не сожалею о сем, был всегда готов пожертвовать и последнюю каплю моей крови на защиту отечества и августейшего престола; крайне однако ж прискорбно одно только то, что я в сие важнейшее время остаюсь в невозможности далее показать мои услуги...»

Багратион – свидетель необыкновенного героизма Барклая-де-Толли на Бородинском поле – просил передать генералу, что умирает с чувством глубокого к нему почтения. Графу Ростопчину он написал: «Прощай мой почтенный друг, я не увижу тебя более. Я умру не от раны, а от Москвы». Эту любовь полководца отмечали все, а Лермонтов увековечил: «... И молвил он, сверкнув очами: / «Ребята! не Москва ль за нами? / Умремте ж под Москвой, / Как наши братья умирали!» («Бородино»). Генерал от инфантерии П.И. Багратион скончался в с. Симы 12 сентября 1812 года на 47-м году жизни.

В 1839 году бранные останки знаменитого героя-полководца из церкви с. Симы с трогательной и величественной церемонией были перенесены, чтобы похоронить у подножья воздвигаемого тогда на Бородинском поле памятника, на то место, где он, защищая отечество, получил смертельную рану. Н.Б. Голицын посвятил этому событию стихи на французском языке: «Бородино – Москва. Военный гимн по случаю церемонии 26-го августа 1839 года, написанный ветераном 1812 года», а также очерк «Перенесение тела князя Багратиона на Бородинское поле».

В сражениях против наполеоновских войск принимали участие многие представители рода Багратионов. Среди них был и брат П.И. Багратиона – Роман, он был произведен в генерал-майоры 21 мая 1813 года «по отличной храбрости и примерной службе, истинно сего награждения достойному»; царевич Илья Багратион, сын Георгия XII; царевич Константин, сын императорского царя Давида; Петр Яковлевич Грузинский, внук царя Бакара, павший геройской смертью на Бородинском поле; Александр Багратион – сын императорского царевича Георгия; Георгий Грузинский – сын царевича Александра Бакаровича, он не только возглавил Нижегородское народное ополчение, но и содержал его на свои средства. Кроме того, как памятник героям Отечественной войны 1812 года князь Грузинский воздвиг храмовый ансамбль в своем имении Лысково. Отдавая дань памяти героям Бородина, вспомним профессора Московского университета Илью Егоровича Грузинова, который вступил в Московское ополчение и на Бородинском поле, нередко под свист вражеских ядер, перевязывал раненых и производил операции. Он скончался в январе 1813 года, заразившись в армии тифом. Во время анатомических работ он сделал научное открытие – источником человеческого голоса являются мембраны трахеи.

В сражениях против наполеоновских полчищ ратными подвигами отличились генералы Владимир и Леван Михайловичи Яшвили, Иван и Семен Давыдовичи Панчулидзевы, Иван Семенович Жевахов (Джавахишвили), Спиридон Евстафьевич Жевахов (Джавахишвили), Павел Сергеевич Лашкарев-Бибилури и др. В ряду героев 1812 года особое место занимает Селим паша Химсиашвили. Из труда З. Чичинадзе «Отечественная война россиян 1812 г. Петр Багратион и Селим-Паша Химсиашвили» (Тифлис, на груз. яз.), в котором анализируются отдельные эпизоды истории Грузии в контексте Отечественной войны 1812 года, мы узнаем, что П.И. Багратион сообщал в Грузию о вероятности начала войны Наполеона против России и призывал оказать содействие в борьбе против французов. Правительство Турции также призвало грузин-мусульман занять всю страну и изгнать русских. В этом деле большие надежды они возлагали на грузина-мусульманина Селима пашу Химсиашвили. Селим паша, мечтая увидеть свой край объединенным с остальной Грузией, всячески оттягивал начало военных действий против русских войск, а когда неизбежность военных действий стала фактом, он, сказавшись больным, не вышел на поле брани, за что был обвинен в измене и обезглавлен.

Столетний юбилей Отечественной войны 1812 года был широко отмечен на Кавказе. В Тифлисе торжества начались Крестным ходом в преднесении святого Креста Нины из виноградной лозы на покрытых бархатом носилках. Напомним, что в 1749 году грузинский митрополит Роман, отправляясь из Грузии в Россию, тайно взял с собою Крест Святой равноапостольной Нины и передал его проживавшему в Москве грузинскому царевичу Бакару. Более полувека хранился он в селе Лыскове, пока Георгий Грузинский не представил его Александру I в день коронации. После присоединения Грузии к России Александр I возвратил эту реликвию в Грузию. С того времени крест хранится в Сионском кафедральном соборе.

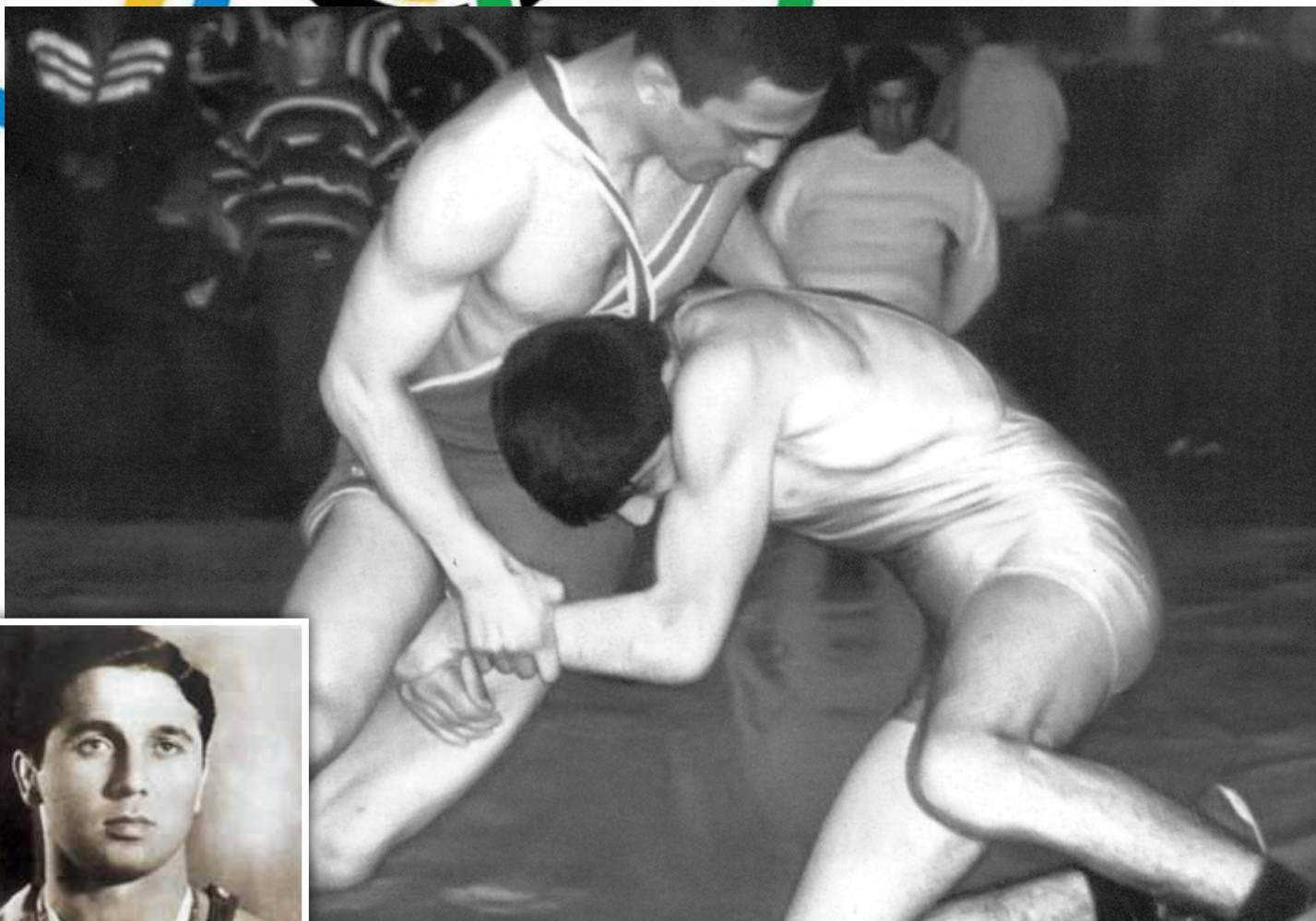
Крестный ход, в котором приняло участие все православное духовенство и весь Тифлис, вышел из Сионского собора. Шествие во главе с епископом Антонием, певчими и духовым оркестром, исполнявшим «Коль славен», направилось в сторону церкви во имя пресвятой Богородицы в Дидубе. По прибытии Крестного хода и после молебна состоялся парад войск гарнизона. Этот исторический факт и единодушное воодушевление, царившее в Тифлисе 26 августа 1912 года во время празднования юбилея великой победы, донесли до нас странички раритетных кавказских изданий. Тифлисские балконы пестрели многоцветьем ковровых узоров и орнаментов, а ночной город сверкал иллюминацией. На следующий день, вечером 27 августа горожане в живописной национальной одежде с флагами, фонарями, зурной и шарманкой устроили шествие от Авлабара к дворцу наместника. Они остановились у дворца и с криками «ура» и тостами за царя, героев отечества, наместника, устроили пиршество и танцы. Кинохроника этих событий – «Празднование юбилея спасения родины и славы России 1812-1912» А.Д. Дигмелова была показана в кинотеатре «Аполло» в Тифлисе в воскресенье 2 сентября 1912 года. На торжества в честь 100-летнего юбилея (гуляния в иллюминированном саду под звуки военного оркестра, представления и фейерверк) приглашал и «Русский клуб».

На Бородинском поле в день столетнего юбилея сражения в присутствии императора и его семьи, генерал-адъютант О.В. Дурново, генерал-майор князь Багратион-Мухранский и генерал-майор князь Багратион возложили на гранитную плиту могилы Петра Ильича Багратиона – героя Бородино, юбилейную медаль.

Во время освящения отреставрированного к 200-летию юбилею памятника П.И. Багратиону в Москве (скульптор Мераб Мерабишвили, архитектор Борис Тхор) - копия памятника, воздвигнутого в 1984 году в Тбилиси, Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II пожелал всем «Божьей благодати, мира, любви и спокойствия». Настоятель храма Великомученика Георгия Победоносца в Грузинах, построенного царевичем Георгием Вахтанговичем Грузинским, протоиерей Феодор (Кречетов), сопровождавший председателя Грузинской Православной Церкви, сказал: «Мы рады, что произошло обновление памятника Багратиону, память о котором чтится и русскими, и грузинами».

Нинель МЕЛКАДЗЕ

▲ Владимир Рубашвили

ЕГО НАЗЫВАЛИ ПОЭТОМ

В Риме мощно стартовал Владимир Рубашвили. Самый молодой участник советской команды на шестой минуте положил сильного иранского борца Мохаммеда Кадема. Не уберегли свои лопатки и его соперники во втором и третьем кругах – швейцарец Эрнст Майнрад и финн Эрки Пентилла, умудренные опытом турнирные бойцы. На три схватки 20-летний студент из Тбилиси затратил чуть более девяти минут и шел без единого штрафного очка, радуя сердца поклонников его молниеносной, высокотехничной борьбы, тренерского корпуса.

Уникальный эпизод произошел в той встрече с Кадемом, золотой надеждой Ирана. Стремительная атака Рубашвили – и соперник на лопатках. Судья не замечает чистой победы. Рубашвили не мелочится и повторяет прием. Второе туше также остается незамеченным. Разгневанный Володя отрывает соперника от ковра. Следует мощный бросок, и потерявший ориентировку Кадем летит на ковер, зацепив ногой бокового судью. Оба оказываются на лопатках. Трибуны шумно приветствуют успех Рубашвили, одним приемом одержавшего две чистые победы.

Ставя дебютанта в основу команды, тренеры не обольщались мечтами, оставались реалистами. В по-

лулегком весе в пятидесятые годы безраздельно властвовал великий Мустафа Дагистанлы – олимпийский чемпион в Мельбурне, чемпион мира, победитель трех розыгрышей Кубка мира. Только однажды в 1958 году в Софии он в ничейном поединке с нашим Норайром Мушегяном уступил Кубок мира, и теперь в Риме на всех парах шел к своей второй золотой олимпийской медали. Специалисты держали в уме чемпионский счет Мустафы – с 1954 года он не проиграл ни одной схватки.

В четвертом круге на раскаленном солнцем коврах базилики Массенцио произошла сенсация. Лидер борцовского турнира Рубашвили проиграл пакистанцу Мохаммеду Ахтару, атлету колоссальной физической силы. Верный своей остроаступательной манере, Володя упорно шел на обострения, а соперник, заработав один балл неожиданным нырком в ноги и переводом в партер, всячески избегал борьбы. Можно было, конечно, преследовать Ахтара по всему ковра, вытаскивать его на середину и, в конце концов, добиться снятия пакистанца за пассивность, но такая тактика не в характере грузинского атлета, которого называли поэтом борьбы. В итоге обидное поражение, но не правы те, кто считал пакистанца малоизвестным и откровенно

слабым – годом раньше он стал третьим на чемпионате мира в Тегеране, пропустив вперед того же Дагистанлы и болгарина Станчо Колева.

К слову сказать, обидчик Рубашвили Ахтар был положен Дагистанлы с удивительной легкостью.

В пятом круге Рубашвили победил по баллам сильного японца Томии Сато, а в следующем, в центральной схватке полулегковесов, повторилась, к сожалению, история с Ахтаром. Опытный Колев, проведя прием, не расплескал преимущества и всеми средствами сохранил до конца. Отягощенный грузом штрафных очков, Рубашвили не попал в финал и занял третье место.

Его бронзовую медаль, первую в полулегком весе вольников после двух Олимпиад в советской сборной, тренеры отнесли к большому успеху. И не только они. Бельгийская газета «Ле спорт» назвала его лучшим борцом турнира. Корреспондент писал: «Рубашвили – боец высшего класса. Он сухощав и быстр, как молния. Он пока не имеет себе равных».

Золото разыграли между собой имевшие по два штрафных очка Дагистанлы и Колев в бескомпромиссном поединке. У турка разбита переносица, кровь течет. Судья просит борцов остановиться, чтобы оказать медицинскую помощь, но Мустафе не до врача. Он только отмахивается от предложения судьи и рвется вперед. Эта в целом ровная схватка и на этот раз окончилась победой турка – он двукратный олимпийский чемпион, целует Колева, выходит на середину ковра, опускается на колени и целует ковер, и не скрывая слез, уходит. Уходит легендой из большого спорта.

Он так и не встретился в Риме с Рубашвили. Можно только предполагать, каким украшением Олимпиады мог стать их поединок.

Аванс, полученный от прессы, Володя оправдал уже в следующем, 1961 году. На чемпионате мира в Иокогаме. В финале приемом из грузинской борьбы чидаоба – молниеносным шуакаури (обвивом ноги) положил на лопатки турка Юнуса Пехлевана, преемника Дагистанлы, став чемпионом мира в 21 год.

Турнир этот имел захватывающую дух интригу. Начался он фактически финальной встречей. Любимца хозяев Сато, как и Рубашвили, называли фаворитом. Помня римскую неудачу, он стремился взять реванш. И это ему удается.

В этих условиях Рубашвили остается выигрывать все оставшиеся встречи. Он кладет на лопатки индуса Синеха и американца Аллена, побеждает по очкам иранца Тавакула, который, в свою очередь, праздновал победу над Сато. Японец занимает место среди зрителей, а трое финалистов разыгрывают комплект медалей. О чемпионе мы уже сказали, серебро же досталось турку.

В Японии Рубашвили запомнился не только своими усами, которые стали отпускать поклонники его борьбы. В первую очередь запомнился фейерверком молниеносных приемов, напоминавших акробатические этюды, яркой импровизацией на ковре, необыкновенной выносливостью и физической силой, делавшей его опасным для любого соперника.

В том же 1961 году сборная Японии, совершая турне по Советскому Союзу, показала свою звезду – Осаму Ватанабэ, будущего победителя Токийской олимпиады и двукратного чемпиона мира. Ватанабэ проиграл в гостях одну-единственную встречу – Рубашвили. Ватанабэ проиграл, но в упорнейшей схватке. Он еще не готов на равных бороться с чемпионом мира, но рас-

▼ **Сборная Грузии** – чемпион СССР 1961 г. Владимир Рубашвили, Зарбег Бериашвили, Владимир Арсенян, Шота Ломидзе, Гурам Сагарадзе, Анзор Кикнадзе, Гурам Гобеджишвили. Ленинград

тет от турнира к турниру. Годом раньше этот студент университета впервые стал чемпионом Японии. В Советский Союз его взяли запасным. На одной из тренировок основной борец Томийо Сато повредил ногу, и его дублера бросают в бой. Первая международная встреча Осаму – труднейшее испытание и единственное поражение. Больше он не проигрывал. В 1962-м на чемпионате мира в Толидо (США) положил на лопатки своих главных конкурентов по финалу – иранца М.Кадема и немца Э.Тауэра. Он чемпион, но специалисты все еще не спешат считать его сильнейшим – он не встречался с Рубашвили. В следующем году на чемпионате мира в Софии такая возможность представилась. Японец берет реванш. Рубашвили остается без медали. А Осаму неудержим на пути к своему второму чемпионскому золоту. В финале он выиграл у иранского борца Сейпфура, победителя чемпионата мира-61 в легчайшем весе, больше десяти баллов.

На Олимпиаде-64 в Токио Ватанабэ было двадцать три года. Он самый маленький в низкорослой команде хозяев (его рост 160 см), но могучего сложения и в силе превосходит всех, кладет их на лопатки, десятками набирает выигрышные баллы.

Но Вовы Рубашвили нет на токийском ковре – в феврале олимпийского года в возрасте 23 лет трагически ушел из жизни тот, кого непререкаемый авторитет в борьбе Гиви Картозия назвал самым способным грузинским борцом начала шестидесятых годов, абсолютно бесстрашным на ковре! Ватанабэ, выиграв Олимпийские игры, окончил университет и стал работать по специальности, ушел из спорта.

Сегодня мало кто, разве что ветераны борьбы в Грузии, помнит, как Рубашвили начинал спортивную биографию в футболе. Вове было 12 лет, когда семья переехала из Мцхетского района в Тбилиси. Здесь он окончил специализированную 35-ю футбольную школу, имел первый разряд, обещал вырасти в большого футболиста, но его позвала борьба. В 1953 году, в 13 лет, пришел он к Василию Илуридзе, который первым угадал в юнце, пока неатлетического сложения, будущего чемпиона. Своими мыслями однажды он поделился с другом – Гиви Картозия: «Он больше меня, как же его учить?» Картозия возразил: «Рубашвили еще только мальчишка, а Илуридзе – выдающийся борец и тренер». Илуридзе с грустью отпарировал: «Если бы все было так просто, как ты говоришь!.. Рубашвили – личность, и очень сложная...»

Друзья даже заключили пари – тренер утверждал, что Вова станет чемпионом мира, и оказался прав. Картозия пари проиграл, но не расстроился – семья грузинских палаванов пополнилась редкостным талантом, по стилю борьбы, технике, борцовскому почерку ни на кого не похожим. Васо Илуридзе не только знания, можно сказать, душу в него вложил.

Это была трогательная дружба учителя и ученика. Сын тренера, Тенгиз Илуридзе, который был несколькими годами моложе Вовы и соседом по району, признается, что несколько раз даже испытал детскую ревность по этой причине. Взять хотя бы такой случай. Отец дружил с другим выдающимся грузинским тренером, Шалвой Нозадзе. Как-то в одном соревновании сын Нозадзе боролся с Вовой Рубашвили. Симпатии тренеров разделились – Нозадзе желал успеха сыну, Илуридзе – Вове. Нозадзе даже рассердился и упрекнул друга: «Это ведь мой сын!» На что Васо Илуридзе гордо отвечал: «И Вова мне не чужой, он мой сын!»

Слава к Рубашвили пришла очень рано, но не пресытила его, казалось бы, легкостью, он продолжал изнурительные тренировки, одним из первых приходил и последний уходил из зала. Верил в свои силы беззаветно. За два дня до чемпионата мира в Японии, дублеры советской сборной потребовали еще раз проверить готовность ее основы. Те, естественно, отказались на-

▲ С тренером Васо Илуридзе

отрез, считая излишней тратой сил и нервной энергии перед решающими соревнованиями. Согласился на повторный экзамен один человек – Вова Рубашвили. Вот тогда Норайр Мушегян, побежденный благородным поступком Вовы, обнял его и совершенно искренне пожелал стать чемпионом.

Как Владимир выполнил это пожелание, соревнуясь с сильнейшими полутяжеловесами планеты, мы узнаем из рассказа его наставника: «По правде говоря, для меня было неожиданностью поражение Рубашвили в первом круге, хотя его соперник японец Сато – очень сильный борец. Дело в том, что в Риме, на Олимпийских играх, Вова относительно легко выиграл поединок именно у этого японца. Несмотря на эту неудачу, я глубоко верил, что Рубашвили окажется в числе призеров. Начинать турнир тремя штрафными очками – занятие не из приятных, но ведь оказавшись именно в таком критическом положении, наши прославленные борцы Давид Цимакуридзе и Гиви Картозия (на Олимпиадах в Хельсинки в 1952 году и Мельбурне 1956 года – А.Е.) продолжали борьбу и в итоге стали олимпийскими чемпионами в вольной и классической борьбе. Рубашвили, несмотря на поражение, должен был бороться за первое место, поскольку он сильнее всех и лучше других подготовлен к соревнованию. Это подтвердил и дальнейший ход событий на турнире. А так, победа Рубашвили, как и успех Цимакуридзе и Картозия, должны быть примером для молодых борцов, которые после первого поражения бросают оружие и теряют волю к победе до конца соревнования».

Мудрый тренер знал: с чемпионом мира каждый бьется с особенным упорством. Для каждого почетна победа над чемпионом или хотя бы ничья. А потому и советовал Рубашвили еще больше работать в зале для сохранения титула, которым он овладел первым среди советских борцов полутяжелого веса. Вспомним, что до Рубашвили здесь царили, никого близко к себе не допускали великие мастера ковра – «непогрешимый тактик» японец Шодзо Сасахара и Мустафа Дагистанлы.

Наш чемпион чутко воспринимал наставления старшего и извлекал из них максимальную пользу.

Свидетельствует чемпион мира-59, вице-чемпион Римской олимпиады в легком весе, киевлянин Владимир Синяевский: «Такие борцы, как В.Рубашвили, появляются в нашей небесталанной среде очень редко. Меня поражала его координация. Ни разу не видел, чтобы его застали врасплох. Талант громадный, он мог все!..»

Рубашвили рано, в 19 лет, был включен в молодежную сборную страны. И уже через год лучший воспитанник Васо Илуридзе выделился среди сверстников, сделал громадный качественный скачок, став первым номером в олимпийской команде. Выиграл первенство мира и три чемпионата Советского Союза 1961, 1962, 1963 годов, когда ему пришлось продирается сквозь строй титулованных атлетов, чемпионов и призеров первенств страны – Н.Мушегян (Армения), Х.Хутбеев (Москва), Ю.Тиньков (Ленинград), А.Балаев, Д.Мирзоев, Г.Киракосян (все – Орджоникидзе), стал победителем престижного Тбилисского международного турнира по вольной борьбе (1962), выиграв в финале грандиозный поединок у иранца Сейпфура. Стал заслуженным мастером спорта СССР, кавалером ордена «Знак Почета» и медали «За трудовую доблесть».

21 сентября 1961 года В.Рубашвили был внесен в Почетную книгу спортивных обществ и организаций СССР. На первом же

▲ С супругой Лейлой Абушвили-Рубашвили

для него чемпионате СССР 1961 года в Таллине, выигранном им с блеском, он, кроме золотой медали, удостоился приза за лучшую технику.

Он по-прежнему вне конкуренции в своей полутяжелой весовой категории! Но на чемпионат мира 1962 года в Толидо (США) не попадает, став жертвой человеческой подлости, анонимки, которую слишком долго и внимательно изучают «компетентные органы». Грязная фальшивка на время «расследования» сделала Рубашвили невыездным, открыв дорогу своим конкурентам. Он знал все, что необходимо для великих побед. Его побед.

1 февраля 1964 года по Мцхетскому шоссе мчится автомашина. За рулем мужчина двадцати трех лет, совсем еще молодой, но имя его известно всему миру.

Мчится по шоссе человек в расцвете сил и таланта, а навстречу ему – злая судьба в образе выскочившей из-за поворота автомашины со слепящими глазами включенными фарами... В мцхетской больнице врачи, созванный из Тбилиси консилиум, боролись за его жизнь, но тщетно – человек ушел.

Арсен ЕРЕМЯН

▲ Резо Амашукели. 2003

ВЗМЕТНУЛСЯ ПО ВЕРШИНЕ

Свои короткие заметки о моем товарище, грузинском поэте Резо Амашукели хочу начать с его триумфа в парижском театре поэзии – Мольеровском пассаже вечером 30 сентября 2003 года, в двух шагах от центра Жоржа Помпиду.

Это была презентация уже второй книги Резо – «Да не возрадуется враг», выпущенной на французском языке, как и первая его книга под названием «Пел ребенок» тремя годами раньше.

Выступая перед соотечественниками, директор Дома Мольера поэт и драматург, актер Мишель де Молн познакомил их с грузинским собратом, «представляющим рациональную и в то же время мистическую страну, о которой с нескрываемым восторгом говорил еще Вольтер».

Господин де Молн, кстати, редактор и переводчик обоих названных изданий, еще только начиная работать над первым из них, любил повторять, что открыл еще одного большого европейского поэта в лице Резо Амашукели, и отмечал в предисловии, что перед французским читателем предстает во всей своей мощи «поэт интеллектуальный в прямом смысле этого слова, и его творчество есть иллюстрация известного высказывания Жана-Поля Сартра – «истинный интеллектуал - это человек, который верен идее единения политического и социального».

А теперь с парижского квартала, исторической до-

стопримечательности французской столицы, где в свое время ходили и спорили гении мировой литературы Шарль Бодлер и Стефан Малларме, Артюре Рембо и Оскар Уайльд, Поль Верлен и Эрнст Хемингуэй, Жак Превер и Гийом Аполлинер, вернемся на тбилисские улицы 50-60-х годов прошлого столетия.

Мы с Резо Амашукели почти ровесники, разница в возрасте очень несущественная, оба закончили грузинское отделение филологического факультета Тбилисского государственного университета, одновременно начали печататься, одновременно приняты в Союз писателей Грузии, принадлежим к плеяде поэтов-шестидесятников.

С удовольствием вспоминаю время, когда мы с Резо работали в редакции молодежного журнала «Цискари» в Сололаки, на нынешней улице Геронтия Кикодзе, при очень требовательном и образованном редакторе, большом мастере грузинской прозы Константино Лордкипанидзе.

Помню, редактор назначил Резо по совместительству заведующим редакцией – для урегулирования хозяйственных дел, и тут же дал указание в кратчайший срок изготовить красивую вывеску нашей редакции на фасаде здания. Резо, большой любитель розыгрышей и не скрывающий своей склонности к умеренной богемной жизни, почему-то не успел заказать в ателье эту злополучную вывеску, и когда через полтора месяца редактор на очередном совещании спросил его относительно судьбы этой вывески, предстояло дать вразумительное объяснение. Резо не спеша встал и заявил, что вывеска готова, но он сам еще не решил, каким образом ее следует укрепить – шурупами или обыкновенными гвоздями.

Мы, присутствующие на производственном совещании, едва удержались от смеха, а Константин Александрович очень рассердился и обещал провинивше-

муся объявить строгий выговор с последним предупреждением. Понятно, что мы по своим редакционным обязанностям занимались больше литературными делами, но по молодости лет не забывали шутки, если они не были обидными. Однажды Резо пришел утром в редакцию после веселой пирушки то ли в Шиндиси, то ли в Бетания, и привел с собой высокого, худого шарманщика. Поставил его на противоположной стороне улицы, заплатил деньги и велел крутить ручку шарманки. Потом как ни в чем не бывало зашел на совещание и, хитро подмигнув нам, с прилежным видом занял свое привычное место.

Не прошло и минуты, как в открытое окно, редакция располагалась на первом этаже, ворвались звуки шарманки, которые больше располагали к шумному застолью, нежели к обсуждению вопросов литературы. Редактор подошел к окну и велел шарманщику немедленно убраться. На какое-то время на улице воцарилась тишина. Резо попросил разрешение покинуть кабинет, ему захотелось выпить воды. Он вышел на улицу, незаметно вручил нарушителю порядка очередную порцию денег и вернулся к нам. Понятно, что очень скоро владелец шарманки еще усерднее продолжил свой номер – на этот раз это была мелодия из очень популярного тогда индийского фильма «Бродяга». Чаша терпения редактора переполнилась, он сел в свою «Волгу» и бежал куда глаза глядят.

Однако было бы неправильно считать, что наша литературная работа ограничивалась этими далеко не милыми шутками.

И это в первую очередь касается становления творчества Резо Амашукели, который очень скоро заговорил о времени и о себе. Поэтическая география моего товарища очень впечатляет, в каких только странах он не побывал, возвращался с поэтическими циклами, которые никого не оставляли равнодушным, передавал свои яркие впечатления, своеобразие и вековые традиции, которые он изучал с усердием исследователя-историка.

Суть поэзии Амашукели пытались постичь в переводах лучшие российские наши современники. Больше других это удалось Евгению Евтушенко, который мастерски перевел, на мой взгляд, пять лучших стихотворений Резо. Об одном из них следует сказать подробно. Оно навеяно поездкой в горный край Грузии – Хевсуретию, сказочно красивое место, но, к сожалению, почти покинутое жителями. В изумительном верлибре «Июнь» в райскую чистоту и спокойствие, в ослепительный ковер альпийских цветов вплетена бесконечная печаль; все собирает и объединяет внутренняя му-

▼ С Мэлором Стурра

▲ С Евгением Евтушенко. 1976

зыка, безошибочный ритм поэта, к тому же - большого знатока музыкального искусства:

*Как насекомое в обломке янтаря,
во мне печаль о вас,
далекие вершины.
Когда один брожу в горах –
я не один –
я одиночество свое беру с собою,
я как ребенка, за руку беру.
Вот жеребенок палевый стоит,
как в алом озере,
в качающихся маках,
и с первобытной нежностью он ржет,
и грива, словно медь, звенит под ветром,
и кружится, покачиваясь, поле
вокруг его заждавшегося ржання...*

Я мало знаю стихов, написанных так трепетно и взволнованно, как амашукелевское «Ты далека сейчас». Оно адресовано Белле Ахмадулиной, влюбленной в Грузию, и имеет форму послания. Поэт описывает окрестности древней столицы – Мцхета, которые так пленили нашу гостью. Нельзя не сказать, что Резо был в свою очередь покорен поэзией Беллы, как и других великих поэтов России – Анны Ахматовой и Марины Цветаевой.

Резо Амашукели многократно выражал любовь, восторгался богатейшим миром русской литературы, большим ценителем и знатоком которой он является. Это с наибольшей полнотой чувств нашло отражение в его блистательном стихотворении, посвященном памяти Пушкина.

Много прекрасных стихотворений наш поэт посвятил своей жене, верной спутнице жизни, Гулико Беродзе, они могут составить солидный по объему поэтический сборник. Одно из них, самое раннее («Одиночество»), отмечено лиризмом и нежностью, уводит читателя в зимний вечер. За окном сказочно красивое снежное убранство. В комнате воцарилась тишина. Утомленное повседневными заботами, дорогое существо спит, и взволнованный этой идиллией поэт видит прикишью к постели собственную тень. Рождается удивительный образ, отмеченный печальным сиянием:

*И твоя тень, длинная и тонкая,
Резкими линиями виднелась в темноте,
И твою руку, исхудалую руку,
Словно мертвую птичку, держал я в руке.
А во дворе шел и шел снег.*

Этот образ отдаленно может напомнить первую

строку стихотворения Марины Цветаевой из знаменитого цикла «Стихи к Блоку» - «Имя твое – птица в руке...» Но это лишь внешнее сходство. Одна и та же метафора носит разную окраску, по-разному осмыслена. Цветаева подчеркивает мощное звучание имени обожаемого поэта («Громкое имя твое гремит»), ее «птица в руке» - живая, трепещет. Резо Амашукели это сравнение понадобилось, чтобы показать крайнюю утомленность любимой женщины.

Его интимная лирика покоряет мужеством, что особенно ценил и отмечал Георгий Леонидзе.

Резо с годами остается лириком, хотя ему не чужд и эпический дар, выраженный в сюжетных поэмах. Он не любит псевдоавангардистских кривляний и придерживается традиционных форм, как подобает большому поэту, остается оригинальным и неповторимым, мастером живописных образов.

О поэтическом таланте, непреходящем значении мира поэзии Резо Амашукели лучше других сказал он сам, в прекрасном стихотворении, посвященном друзьям – армянским писателям:

*Хочу взметнуться по пологой горе,
По вершине,
И таким ревом взбудоражить звезды,
Усыпавшие рассвет,
Чтоб землю встряхнуло...*

Резо Амашукели всегда был занят весьма

▲ С Андреем Вознесенским

▼ С Чабуа Амирэджоби, Франсуазой Саган. Джвари. 1988

плодотворной общественной деятельностью. В разное время, как я уже отмечал, работал литературным сотрудником журнала «Цискари», советником председателя Государственного комитета по печати Грузии, заместителем главного редактора журнала «Мнатоби», секретарем правления Союза писателей Грузии, заместителем министра культуры...

Среди многочисленных наград, которыми отмечен талант поэта, особо следует вспомнить медаль Альберта Швейцера «в знак признания высоких морально-этических качеств и выдающихся заслуг», а также Государственную премию имени Шота Руставели и премию имени Галактиона Табидзе.

Я полностью разделяю мысли и чувства большого русского поэта Андрея Дементьева, выраженные им в стихотворении «Резо Амашукели», написанном 25 августа 1985 года, и с удовольствием присоединяюсь к ним:

*Благодарю за краткие уроки
Достоинства и мужества души,
За все твои неизданные строки,
Что между нами радостью прошли.
Ты жертвуешь поэзией изустно
И не дрожишь за каждую строку.
В тебе живет забытое искусство –
Быть справедливым к другу и врагу.
Ты с нами щедро делишься собою,
И если б мог – все вычерпал до дна.
Твоя душа – как пение в соборе –
Торжественна, прекрасна и грустна.*

Не надо учить Резо Амашукели, он отлично знает, «как делать стихи». Знает, что самая большая награда, которой Всевышний награждает человека – это особый дар писать стихи. Этим божественным даром в высшей степени обладает Резо – он родился Поэтом.

Эмзар КВИТАИШВИЛИ

РЕЗО АМАШУКЕЛИ

Стихотворения

ПИРОСМАНИ

Ты –
златом или серебром,
ты –
счетами-костяшками,
прилавками,
а также соторговцами,
я –
кистью милосердную,
клеенками хрустящими,
и на клеенках блестящими
овцами:
мы оба,
как
бродяги,
перед богом – наги,
и все равно земли
могильной мгла
нас примет,
в чем нас мама родила...
Ограда старой крепости,
как облачко,
виденье,
и тень мечети встретится
в Куре
с моею тенью.
Мне рай –
бездомность,
беспричалье,
кусочек хлеба,
тишина,
алванский сыр,
кольцо печали,
что брошено в стакан вина.
Удачи и добычи
ты, как печать величья,
на лбу несешь
двуличье торгаша.
На счетах бодро щелкай!
Торгуй своей душонкой!
А у меня – душа,
но ни гроша.
Но, ты бессмертен разве?
Ты станешь пылью, грязью,
а я останусь – видят небеса!
-
рисунками на стенах
в их красках, откровенных,
как будто бы родник или
роса!
Декабрь меняет облик
Исани и Майдана.
Уже с утра шарманщик
песнь о любви завел,
и в духоте духана
кричит немножко странно
моим чистейшим углем
написанный осел.
Налей!
Я должен выпить
за мир с его базаром,
с дорогами печали,
с владениями слез.
Налей!
Не жмись – будь щедрым!
Я нарисую даром
зарю и музыкантов,

саари, пьяниц, коз.
Налей!
Бог даст мне силы –
я все начну сначала,
пока еще есть время
для кисти и зурны,
пока Вардисубани,
а также Ортачала
луной, такую звонкой,
еще озарены.
Смолкает мухамбази,
жить мало остается.
Я все мое наследство
оставлю на холсте,
а сам пойду с улыбкой,
туда, где гаснет солнце,
и вместе с ним погасну,
растаю в пустоте.
Ты –
златом или серебром,
ты –
счетами-костяшками,
прилавками,
а также соторговцами,
я –
кистью милосердную,
клеенками хрустящими,
и на клеенках блестящими
овцами:
мы оба,
как бродяги, перед богом –
наги
и все равно
земли могильной мгла
нас примет,
в чем нас мама родила!

Перевод Евгения Евтушенко

ПЕЛ РЕБЕНОК

Мальчик запел,
Тамаде не перечая,
Робкий ребенок, покинутый папой.
Пел он тихонько под тосты и речи,
Точно птенец, одиночеством смятый.
Стол тяжелел в хрустале и крахмале
С винным пятном и салатной заплатой.
Ноты высокие к небу взлетали,
Пел нам ребенок, покинутый папой.
Мама его танцевала с другими
И раскаляла им лица и страсти.
Вытянув шею, словами чужими
Мальчик поведал об этой напасти.
Кончилась песня,
И дождь беспощадный
В памяти горькой слезою остался,
Ну, а кутеж,
Равнодушный и жадный,
Все продолжался,
Все продолжался.

Перевод Евгения Рейна

«Завлекают в Сололаки стертые пороги...»

Литературные страницы старого района

И был канал, и был дом на берегу канала... Нет, дорогие читатели, мы не в Венеции, мы, все еще, в районе Сололаки. А он, самим своим названием, обязан каналу, на арабском называвшемуся «сулулах». И, как говорят, со времен Тифлисского халифата, он нес воду с Коджорских высот над городом в сады, раскинувшиеся у горного хребта. Потому хребет и был назван Сололакским, дав имя целому району. Сейчас мы не отыщем следов древнего канала – он давным-давно упрятан под землю. Но давайте попробуем убежать из нынешнего века туда, в вечернюю прохладу садов. Где у берега плещется вода, а к уютной усадьбе, где творилась история, накрепко связавшая имена грузинских и русских поэтов, уже съезжаются гости.

...Второе десятилетие позапрошлого века. Над берегом «сулулаха» - большой дом начальника артиллерии Отдельного Кавказского корпуса Федора Ахвердова, в просторном саду – тенистые аллеи, беседки, площадки для игр. Хозяин – гостеприимный коренной тифлисец – устраивает частые приемы, и эту традицию после его смерти сохраняет вдова Прасковья Николаевна, урожденная Арсеньева. По воспоминаниям современников, «выдающаяся женщина: получила в Петербурге хорошее образование, с успехом занималась живописью, копировала картины в Эрмитаже, любила литературу и музыку... дом ее был средоточием всего

культурного общества Тифлиса в продолжение 10 лет». А общество это составлял не только цвет грузинской интеллигенции. Дочь хозяйки дома Дарья, в замужестве ставшая Харламовой, вспоминает и о блестяще образованной русской «военной золотой молодежи», и о «либеральной статской молодежи из будущих декабристов», и об «отправленных проветриться многих слегка замешанных декабристах». А это – слова о человеке, напрямую связавшем свою судьбу с этим замечательным домом, никем иным, как Александром Грибоедовым: «Помнить есть что, так как в доме моей матери в Тифлисе он был ежедневным гостем. У нас зародилась и развивалась его любовь к княжне Нине Чавчавадзе, и в нашем же доме сделался он счастливым женихом, позабыв на время свою ипохондрию». Согласитесь, дорогие читатели, что после этих слов просто нельзя не проследовать по дому Ахвердова вслед за автором «Горя от ума», приходившим сюда намного чаще, чем к другим тифлисцам.

Начнем с флигеля, который снимала семья князя Александра Чавчавадзе – знаменитого поэта, в качестве адъютанта генерал-фельдмаршала Михаила Барклая-де-Толли, бравшего Париж, и, кстати, крестника Екатерины II. Именно здесь становится завсегдаем русский друг князя, дипломат Грибоедов, который, впервые приехав на берега Куры в 1818-м,

поначалу огорчался: «Я уже четвертый месяц, как засел в нем (Тифлисе), и никто из моих коротких знакомых обо мне не хватился, всеми забыт, ни от кого ни строчки!» Но, по правде сказать, не так уж пресна его жизнь в единственной на весь город гостинице французца Поля, здание которой не сохранилось на нынешней улице Пушкина. В Тифлисе он встречает корнета лейб-гвардии уланского полка, будущего декабриста Александра Якубовича, отправленного из Петербурга на Кавказ за участие в дуэли в качестве секунданта. Грибоедов был секундантом его противника, и, по условиям поединка, они тоже должны были стреляться. Но этого не произошло, потому что оба сразу попали под надзор. И вот, в Тифлисе Якубович решает исправить упущенное. Грибоедов против дуэли, но честь в те времена была превыше всего. Пуля лишает Грибоедова кончика левого мизинца, а сам он, по одним сведениям, промахивается, по другим – стреляет в воздух. Резюме же делает такое: «Объявляю тем, которые принимают во мне участие, что меня здесь чуть было не лишили возможности играть на фортепиано, однако теперь вылечился и опять задаю рулады».

После этого наступает полное примирение. Секунданта Якубовича – Николая Муравьева, через десятилетия ставшего наместником Кавказа, Грибоедов даже учит персидскому языку, а тот его – турецкому. Завязываются новые интересные знакомства и чувство одиночества исчезает: «Я здесь обжился и смерть не хочется ехать». А вот – свидетельство того, что и сам Александр Сергеевич пришелся по душе тифлисскому обществу. Приглядимся к его первому отъезду в Персию: «После приятельского завтрака мы оставили Тифлис; я везде нахожу приятелей... Дело в том, что многие нас провожали, в том числе Я (Якубович), и жалели, кажется, о моем отъезде... Я поутру обскакал весь город, прощальные визиты...» А уже из Тавриза – призыв человека, тоскующего по главному городу Грузии: «Спешите в Тифлис, не поверите, что за роскошь! В клубе балы и с масками». Он и сам просит перевести его в этот город «судьей или учителем», но вновь надолго попадает в него лишь в конце 1821-го, когда, из-за перелома руки, получает относительно спокойную должность «секретаря по иностранной части» при главнокомандующем войсками на Кавказе. Поселяется он на Экзаршеской площади (ныне – Ираклия II), рядом, как он пишет, с «царевниными сыновьями, царевичами» - семьей царевны Текле, дочери Ираклия II. А оттуда – совсем недалеко до дома, о смерти хозяина которого он сокрушался: «Отчего на генералов у нас безвременье? Один сошел с ума. Другой пал от изменнической руки, Ахвердов – от рук мирных благодетельных, докторских, жаль его семейство...»

Именно в доме этого семейства и встречается он впервые с дочкой своего друга, княжной Нино Чавчавадзе. «Я лично начала его помнить лет 9-ти, когда он вернулся после долгого отсутствия из Тавриза, почти ежедневно обедал у нас, а после обеда играл нам, детям, танцы», - вспоминает все та же Дарья Харламова, ровесница Нино. Детей же в доме полно: две дочери и сын Чавчавадзе, дочь, падчерица и сын Ахвердовой, да еще их подружки, приходящие для совместного обучения. Харламова продолжает: «Нам-то, младшему возрасту, и играл танцы Грибоедов. Расположение духа у него было необыкновенно изменчивое, иные дни проходили в полном молчании с его стороны, но без видимой причины чело его прояснялось, он делался весел, разговорчив (говорил всегда по-французски) и, если не было малознакомых гостей, шел в зал после обеда, говоря: «Enfants, venez danser» («Дети, идите танцевать» - на французском) - садился так, чтобы видеть наши неуклюжие танцы. Играл он всегда танцы своего сочинения, мелодию которых еще ясно помню, но очень красивые и сложные, потом переходил к дру-

гим импровизациям и проводил за роялем иногда весь вечер». Музыка детей учит приглашенный капельмейстер и «только Нине Александровне давал сам советы Грибоедов, когда она подросла, и он был в Тифлисе». В ахвердовском доме Александр Сергеевич Грибоедов «задавал рулады», надевая на искалеченный палец специальный кожаный чехольчик.

А потом – отъезд в Россию, и на берегу «сулулаха» он появляется, когда Нине уже 14. Молодежь любит ездить верхом и, «если ехала Нина Александровна и Грибоедов был в Тифлисе, то сопровождал ее». Он попросту очень занят, помимо дипломатической работы – заботы по оживлению общественной жизни Грузии. Участие в разработке плана «Российской Закавказской компании». Начало работы над «Обозрением российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом и финансовом отношении», которое и по сей

▲ Прасковья Ахвердова

день – важнейший источник для историков. Рекомендации гражданским властям города «о лучших способах вновь построить Тифлис». Среди предложений по благоустройству города – и места, в которых можно построить мосты через Куру. Спустя многие годы именно там и появятся Мухранский и Воронцовский мосты (ныне – имени Бараташвили и Саарбрюккенский). Еще Грибоедов ходатайствует об открытии училищ для «лиц свободного состояния», прилагает усилия для выхода в свет газеты «Тифлиссские ведомости», создания Коммерческого банка...

При всех этих заботах ему просто необходим дом Ахвердовых, с его постоянной атмосферой тепла и вниманием. Грибоедов не только находит исцеление от душевных тревог в салоне Прасковьи Николаевны, в обществе ее крестницы Нино. Как свидетельствуют современники, он еще и «изгнал из круга дома сего плута скаредного и обманщика», некоего Савиньи, «раскрыв его поведение и подложные письма и поступив по-рыцарски». И еще одно воспоминание Харламовой о тех днях в тифлисском доме: «Конечно, главное внимание Александра Сергеевича с того времени, как я

▲ **Нина Чавчавадзе-Грибоедова**

стала его помнить, было обращено на княжну Нину Чавчавадзе, которой было лет 14 тогда, хотя она, как все южанки, была уже вполне сложившаяся женщина в эти годы. Он занимался с нею музыкой, заставлял говорить по-французски...

А потом – снова отъезд и появление уже в качестве российского полномочного министра в Персии. Вот тогда-то в ахвердовском доме и происходит то, что стало одной из самых легендарных историй о любви. Отправившись в Карс по служебным делам, Грибоедов внезапно возвращается в Тифлис, а дальше – слово ему самому: «В этот день я обедал у своей старой приятельницы (Прасковьи Николаевны), за столом сидел против Нины Чавчавадзевой, все на нее глядел, задумался, сердце забилось, не знаю, беспокойство ли другого рода, по службе, теперь необычайно важной, или что другое придало мне решимость необычайную, выходя из-за стола я взял ее за руки и сказал ей (по-французски): «Пойдемте со мной. Мне надо вам что-то сказать». Она меня послушалась, как и всегда; верно думала, что я усажу ее за фортепиано; вышло не то; дом ее матери возле, мы туда уклонились, вошли в комнату, щеки у меня разгорелись, дыхание занялось, я не помню, что я начал бормотать, и все живее и живее, она заплакала, засмеялась, я поцеловал ее, потом к матушке ее, к бабушке, к ее второй матери, Прасковье Николаевне Ахвердовой...нас благословили, я...отправил курьера к ее отцу в Эривань с письмом от нас обоих и от родных».

Ну, а мы обратим внимание на то, что «сему способствовала Прасковья Николаевна, коей слишком короткое обхождение с Грибоедовым и даже дружба с ним» очень не нравились другим претендентам на руку юной княжны. Претенденты же эти – отнюдь не второсортны. Сын знаменитого адмирала, полковник лейб-гвардии Николай Синявин; кузен главнокомандующего в Грузии и брат командира Грузинского гренадерского полка, будущий тифлисский и витебский губернатор Сергей Ермолов; походный атаман донских казачьих полков на Кавказе, генерал-лейтенант Василий Иловыйский; уже известный нам Николай Муравьев, который стал командиром лейб-гренадерского Эриванского полка... Именно Муравьев утверждает что «Грибоедов открыл свое намерение Прасковье Николаевне, которая от сего была в восхищении. Кроме того, что она надеялась видеть их счастливыми... ей льстил вы-

бор Грибоедова, ибо Нина была ею воспитана». Ну, а дочери Ахвердовой сама Нина потом признавалась, что «давно уже имела душевную склонность к Грибоедову и желала его иметь супругом». Словом, хозяйка этого дома благословила свою любимицу раньше ее отца, который «начальствовал войсками и областью в Эривани, и ответ от него получен, без сомнения, утвердительный; он всех более радовался сему союзу».

Дальнейшая судьба Александра Сергеевича и

▲ **Александр Грибоедов**

юной княжны известна всем. И в очередной раз перелистывать здесь ее страницы просто нет смысла. Заметим только, что имя Ахвердовой с них не исчезает. Так, из Карабаха Грибоедов пишет именно ей: «Говорите с Ниной обо мне побольше, всякий раз, как нечего будет делать лучшего. Помните, что мы оба Вас любим как нежную мать; она и я...» И подпись: «Ваша приемная чета, Ваши дети». Ну, а если мы, все-таки, заглянем из столь примечательного тифлисского сада на последние страницы жизни Грибоедова, то для того, чтобы опровергнуть устоявшиеся мифы.

Миф первый. Многие годы утверждалось: «Горе от ума» написано потому, что автор пьесы был чуть ли не «борцом в режиссом», и, в наказание, царь отправил его на Кавказ – в опасности войны, а затем – в Иран, на верную гибель. Ничего подобного не было. Замысел знаменитой пьесы родился у Александра Сергеевича уже в Тифлисе, и есть сведения, что он читал ее вариант все в том же доме Ахвердовых, а затем состоялся и любительский спектакль. Что же касается «опалы», то, когда Грибоедова признали не причастным к восстанию декабристов, царь по-своему загладил его арест: за успехи на дипломатическом поприще присвоил звание статского советника, наградил орденом Святой Анны с алмазами и премией в 4 тысячи червонцев. А вскоре и вовсе назначил своим полномочным министром при тегеранском дворе.

Миф второй. Тело Грибоедова чуть ли не тайком привезли в Тифлис и весьма скромно похоронили. Обычно это утверждение основывается на цитате из пушкинского «Путешествия в Арзрум», описывающей одинокую арбу, везшую из Тегерана по крутой дороге гроб с останками поэта. Но давайте прочтем и другие строки – из поэмы Якова Полонского «Н.А. Грибоедова»:

*Но не скрипучая арба
Ввезла его в Тифлис, -
Нет, осторожно между гор,
Ущелий и стремнин
Шесть траурных коней везли
Парадный балдахин;
Сопровождали гроб его
Лавровые венки,
И пушки жерлами назад,
И пики, и штыки;
Дымилась факелы, и гул
Колес был эхом гор,
И память вечную о нем
Пел многолюдный хор...*

И, самое интересное, что правы и Пушкин, и Полонский. По пересечении реки Аракс, на территории Российской империи, останкам Грибоедова были отданы военные и гражданские почести. Упряжка из 6-ти лошадей, эскорт из 2-х рядов факельщиков и батальо-

▲ Могила А.С. Грибоедова на Мтацминда

на Тифлисского полка с опущенными знаменем и ружьями, процессия русских и армянских священников, несмолкающий траурный марш военного оркестра... Но на крутом перевале, по узкой тропе которого могла проехать только арба, гроб пришлось перевозить с минимальным эскортом из нескольких солдат во главе с поручиком. Тогда и мог видеть Пушкин своего погибшего тезку. А в «Тифлисских ведомостях» мы сможем прочесть 18 июля 1829 года, что «тело покойного Российского Полномочного Министра в Персии, Статского Советника Грибоедова, привезенное из Тегерана со всеми почестями, приличными сану, в который он был облечен... перевезено из Тифлисского карантина в Сионский Кафедральный Собор, где оно поставлено было на нарочно для сего изготовленный великолепный катафалк». В церемонии участвовали «Тифлиссский Военный Губернатор, весь Генералитет, военные и гражданские чиновники». Да и хоронили отнюдь не втихую: «Бренные останки Александра Сергеевича Грибоедова, в сопровождении Его Высокопреосвященства Экзарха Грузии и всех присутствовавших, отнесены в монастырь Святого Давида, где преданы земле, согласно с волею, неоднократно объявленною покойником при жизни».

Вот так, на самом деле, хоронила Грузия любившего ее поэта. Любившего настолько, что он всерьез

задумывался о том, чтобы навсегда поселиться на этой земле. О желании сделаться «отшельником в Цинондалах» он писал в год своей смерти. Да и в служебных «записках» наместнику на Кавказе проходит мысль о намерении остаться в Тифлисе. В городе, где начал и вчерне закончил «Горе от ума». Вообще, многие относят Грибоедова к «авторам одной вещи», но ведь в Тифлисе создавалась еще и «Грузинская ночь», из которой мы сможем прочесть лишь 2 сцены. Но и их хватило, чтобы критики связали эту утерянную пьесу с литературными традициями Шекспира и Гете.

А счастливые, в отличие от содержания драмы, грузинские ночи связаны для Грибоедова с еще одним роскошным садом – в «Цинондалах», Цинандали, имени князя Чавчавадзе в Кахетии. И там собиралось блестящее общество, и там поэт-дипломат был счастлив, как и в ахвердовском доме. Особенно, когда после нескольких дней свадебных торжеств в Тифлисе приехал сюда с молодой женой. На две недели, ставшие для него, пожалуй, самыми лучшими из всех, проведенных в Грузии. И сегодня на аллеях цинандальского сада, сохранившего и беседку, принимавшую молодоженов, и дуб, в дупле которого дворовая девочка спаслась во время набега горцев, живет сказка-быль о коротком счастье Александра и Нино. Сказка, начавшаяся в тифлисском саду...

▲ Нина Чавчавадзе. 1857

*...О девушке, которой снится
венчальный звон при образах,
и о заморском странном принце
с тоской в прищуренных глазах.
Вы сказкам верьте, иль не верьте,
но здесь сплели свои канвы
легенды о любви до смерти
с судьбою девочки-вдовы.*

*В преданьях, в книгах, даже в тостах
живет сюжет: дворец в саду,
визиты, музыка, знакомство,
венчанье, проводы в беду...
Когда тебе опять про это
начнут деревья ворожить,*

▲ Имение А.Чавчавадзе в Цинандали

▼ Чернильница, подаренная А.Грибоедовым жене

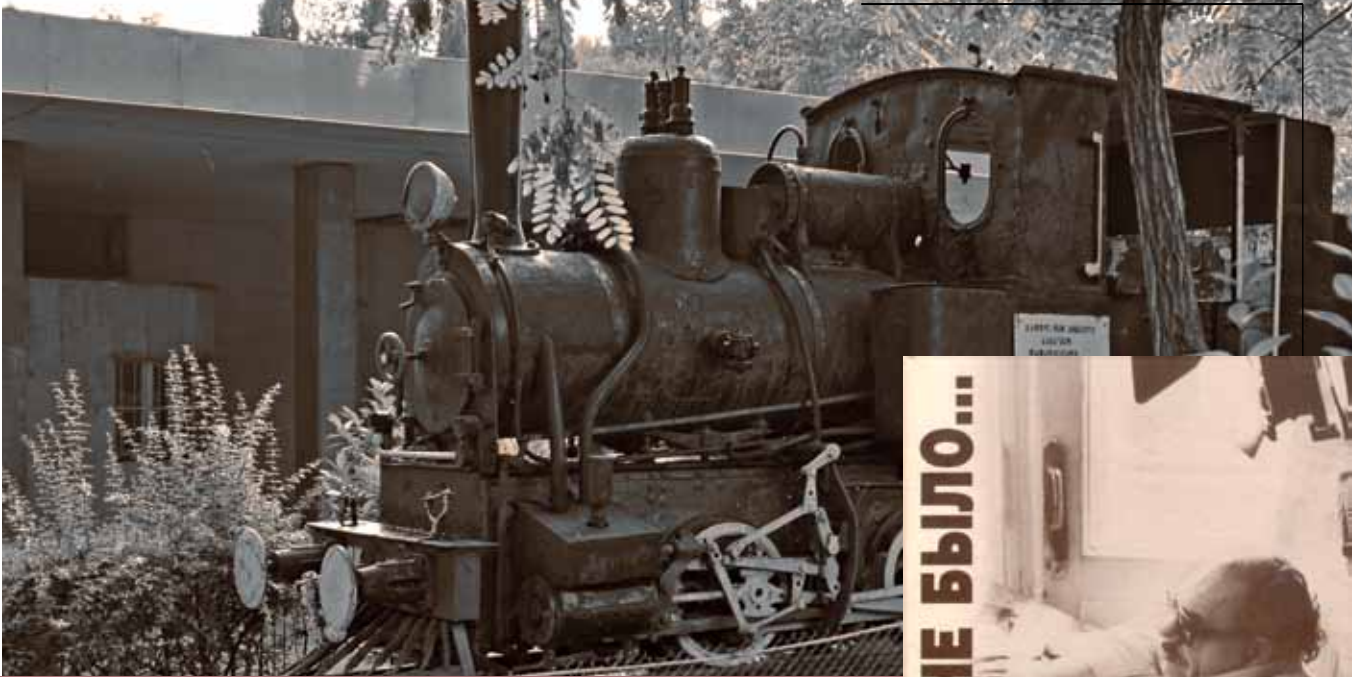

*склонись у входа в дом Поэта
– здесь знали, как любить и жить.*

*О, будь навек, во всех напевах,
благословенна та земля,
что может прятать в своих древах
детей от горцев Шамиля!
Я в Цинандали взглядом трону
рубцы ее священных ран.
И вздрогну, увидав с балкона
далекий город Тегеран.*

Этот город мысленно предстал и перед теми, кто выходил на балкон тифлисского дома с садом – ахвердовского. Предстал источником двойного горя: Нино, узнав тщательно скрывавшуюся от нее страшную весть, потеряла сына, которого носила под сердцем... В такой момент, наверное, нам самое время покинуть этот дом. Но мы еще вернемся в него, вместе с другими людьми. И будет это цвет грузинской и русской интеллигенции - писатели, поэты... И Яков Полонский посвятит Нине щемящие, полные восхищения строки, и Михаил Лермонтов почтительно склонит голову, получая из ее рук заветный кинжал... Мы же пока уйдим из той усадьбы, из того века. И, возвращаясь в век нынешний, окажемся на улице Мачабели, у знакомого нам здания Союза писателей Грузии. Почему именно здесь? Да потому, что стоит оно на том самом месте, где когда-то так романтично, на берегу канала, располагалась усадьба Ахвердовых ...

Владимир ГОЛОВИН

ЧТО УДЕРЖАЛОСЬ В СОЗНАНИИ

Продолжение

«ХУДОЙ» КАРМАН И ЛЕТНИЕ ВЫЛАЗКИ

Из-за всегдашней дороговизны жизни в Тбилиси более всего бедствовала житейски не приспособленная интеллигенция – и грузинская, и армянская, и русская. Врачи, учителя, инженеры...

Мама старалась хоть немного подработать шитьем, даже окончила специальные частные курсы у обедневшей аристократической дамы Нины Давыдовны. Вечером, покончив с домашними хлопотами, она садилась за швейную машинку «Зингер», доставшуюся нам еще от деда немца. При этом плотно закрывались ставнями окно и дверь, под машинку, чтобы не очень тарыхтела, подкладывалось одеяльце. Мама невероятно боялась доносов соседей и внезапного налета фининспектора, который мог обложить зверским налогом «за незаконное частное предпринимательство», как бы сейчас сказали. Но только теперь не боятся путем разных афер делать гигантские деньги, а бедная мама не хотела платить налог потому, что за сшитое по ночам платье получала от клиенток копейки. Бесстыдна власть, которая не способна обеспечить своим гражданам даже сносного существования, но всегда готова залезть в их дырявый карман.

Иногда мама от отчаяния пускалась в разные, громко сказать, «торговые» операции, которые всегда давали нулевой результат. Так, однажды она со своей старой гимназической приятельницей купила в соседнем Азербайджане живого барана то ли для перепродажи, то ли для себя. Они везли его в Тбилиси в пассажирском вагоне, пряча в туалете во время прохода контролеров. И смех, и грех.

В войну мама вязала на специальной раме женские платки, а также шарфики и кофточки и сама продавала их на вещевом рынке в Сабуртало, смертельно боясь набегов милиции.

Папа тянул трудовую лямку, по совместительству, на двух работах, но ведь врачам платили нищенскую зарплату. В общем, несмотря на все эти ухищрения, эту героическую многолетнюю борьбу моих родителей с нуждой, денег всегда не хватало. Семья была опутана долгами.

Главные расходы всегда были связаны с летним отдыхом нас, детей. Чего бы это им ни стоило, родители старались вывезти на каникулы Лию и меня из пышущего зноем Тбилиси, лежащего в котловане, стиснутого со всех сторон горами. Летом асфальт буквально плавился под ногами.

Каждую весну папа по установившейся печальной традиции отправлялся на поклон к некоей ростовщице с экзотическим именем Минадора и хваткими руками. Она брала за ссуду совершенно грабительские 25, кажется, процентов. Но эти деньги помогали родителям кое-как справиться с разорительными летними расходами. А потом до следующей весны, до следующего займа у Минадоры отец каждый месяц регулярно, по частям отдавал нашей «благодетельнице» долг.

Я знаю, что многие знакомые врачи смотрели на папу как на «белую ворону». Ведь при его узкой медицинской специальности – он был венерологом – в краю темпераментных южан он мог озолотиться. Но отец опасался частной практики. Она в те годы была

▲ Дом на Боржомской улице, в котором жили Добродеевы

сопряжена с немалым риском, да и где он мог принимать таких специфических больных, не имея врачебного кабинета? Не у себя же в квартире, где мы жили впятером с бабушкой.

Иногда в минуты раздражения и усталости мама говорила про отца: «Не от мира сего...» Но понимала, что другим он быть не мог. Такая истинно чеховская натура – врожденная честность, неподкупность, скромность. Они стали «доминантами» всей его жизни. И я горжусь, что отец был именно таким.

ГРОСОЧКА

Я еще не рассказал о второй моей любимой немецкой бабушке – Шарлотте Карловне Лампартер, рядом с которой прожил 10 мальчишеских лет. Когда мы в самом начале 1930-х годов переехали из Армавира в Тбилиси, как я уже сказал, нам пришлось сначала жить на Вокзальной улице, шумной и пыльной, где день и ночь гремели трамваи, машины, а с первого этажа неслась невыносимая вонь. Там жила полоумная старуха-полька Левандовская, у которой был целый питомник собак и кошек. Мы буквально задыхались от этой вони в своей маленькой комнатке. На соседней, зеленой и тихой Боржомской улице жила наша бабушка Шарлотта Карловна Лампартер. Мы переселились к бабушке в прекрасный капитальный дом дореволюционной постройки с верандой во двор, высоченными лепными потолками и большими, венецианского стиля окнами. Разместились мы так: в передней проходной комнате – родители, в следующей, выходящей на улицу, - бабушка и мы с Лией. Бабушку все в семье звали Гросочкой, это ласкательное от немецкого «гросматтер» (бабушка). Гросочка отделила себе угол комнаты комодом и шкафом с ширмой, поставила там себе кровать. Отныне это была ее скромная обитель. Она «самоуплотнилась», добровольно пошла на такую жертву, ибо дети и внуки были для нее самым главным в жизни.

В общем, с бабками мне и Лие явно повезло. Обе были умные, начитанные, добрые. И очень любознательные. Они жадно интересовались политикой, особенно Гросочка, которая читала все газеты, была всегда в кур-

се всех новостей, никому не навязывая (тем более нам, воспитанникам советской безбожной школы) своих религиозных воззрений, не читая нам никаких проповедей. Но она была глубоко, истово верующей, не расставалась с молитвенниками на немецком языке. Лютеранская вера была ее духовной и моральной опорой. Каждое воскресенье она шла на богослужение в немецкую кирху на Плехановском проспекте, куда приходили такие же верующие ее старший сын Эрнст с женой Лицци и множество тбилисских немцев. Потом, но не в войну, а уже после нее, словно задним числом в отместку Германии, эту прекрасную кирху разрушили. Причем делать это заставили немецких военнопленных. Каково было тем из них, кто был истово верующим, совершать этот страшный, кощунственный акт вандализма? Впрочем, мы, русские, и свои церкви не щадили.

Гросочка была необычайно общительным человеком. Ее знали и любили все в нашем большом доме на Боржомской, в котором она прожила много лет. Она любила посудачить с соседями на любые темы, особенно по-грузински. Этот язык – язык своей родины – она, чистокровная немка, знала отлично. А брат ее даже породнился с грузинской семьей, женившись на простой крестьянской девушке. Их дети Арсений, Андрей и Надя своим характером больше походили на грузин (отец рано умер), но носили его немецкую фамилию, были Зайделями. К счастью, Надя вышла замуж за грузина и сменила фамилию, а вот двух братьев Зайдель и их уже чисто грузинские семьи, когда началась война с Германией, сослали в Среднюю Азию как «немцев».

Гросочка, как и бабушка Добродеева, рано овдовела и тоже героически поднимала на ноги своих четверых детей. Маленькая, субтильная, хрупкая, она обладала твердой волей и необыкновенной жизнестойкостью. И когда беды обрушились на нее, мы не видели на ее глазах ни слезинки, она крепилась, не хотела нас расстраивать. Укрывшись в своей «келье», она плакала, но так тихо, что мы почти не слышали.

Муж Гросочки, мой немецкий дед Яков (Якоб) Лампартер, как и все немцы Закавказья, был из колонистов, переселившихся сюда из Германии в прошлые века и осевших здесь, казалось, навсегда. Но советская и пост-

▲ Встреча с дядей Альбертом. Москва. 1933

советская история внесли в этот вопрос большие коррективы. И большинство закавказских немцев, те, что выжили, вернулись на историческую родину – в Германию.

Дед Якоб всю жизнь занимался самообразованием и даже есть предположение, что он пробовал заочно учиться в Берлинском университете. В жизни же у него была весьма прозаическая профессия – он был коммивояжером, агентом по продаже швейных машин знаменитой компании «Зингер». Тысячи экземпляров этих машин разошлись по всему свету и были во многих домах на Кавказе.

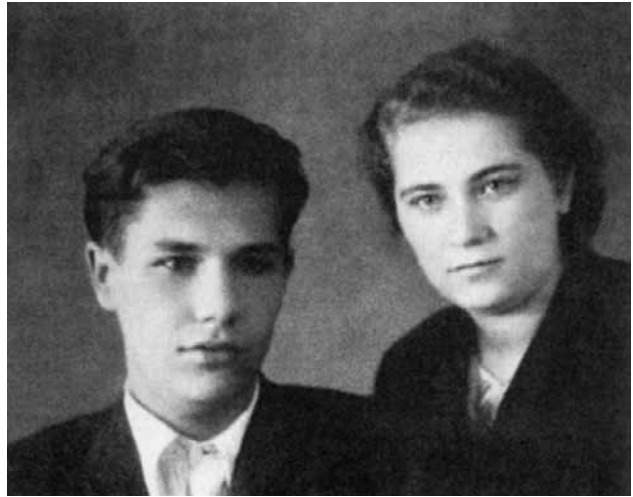
Это была нелегкая работенка. Деду приходилось мотаться по всей Грузии, забираться в самые глухие горные районы, даже зимой. Видимо, спасаясь от холода, он стал согревать себя спиртным. И незаметно втянулся в это пагубное занятие.

В одну из своих зимних поездок по коммерческим делам фирмы «Зингер» дедушка Якоб застрял в метель в горах в деревенском доме. Ночью выпил. Но даже в этом состоянии его тянуло к книгам. Стал что-то читать. Хмель, однако, потянул его ко сну. В дремоте он случайно зацепил рукой и опрокинул керосиновую лампу. Вспыхнул огонь, загорелась одежда. И хотя пожар был вскоре потушен, дедушка получил страшные ожоги. Пока его довели до больницы, началась гангрена. Пришлось ампутировать руки. Но и это не спасло. Он умер, не приходя в сознание. То был первый тяжелый удар для Гросочки. А сколько горя было еще впереди...

Я всегда интересовался своей немецкой родословной. Знал, что первые переселенцы на Кавказ были подлинными стойками и героями. Им пришлось осушать заболоченные земли, бороться с малярией, тифом, выдерживать не только нечеловеческие условия жизни, но и постоянно подвергаться набегам турок, которые сжигали дома колонистов, убивали и грабили, уводили в заложницы молодых женщин. И все же на землях Грузии и Азербайджана немецкие переселенцы создали преуспевающие колонии, научили многому местных жителей, с которыми у них установились самые добрые отношения.

Мои предки из Южной Германии, кажется, из Швабии. И вот однажды, оказавшись в центре этой немецкой земли, в Штутгарте, я взял телефонный справочник в гостиничном номере и обнаружил в нем десятки абонентов под нашей фамилией Лампартер.

Правда, говорят, что эта фамилия происходит от другой – итальянской Ломбарди, но она немного переименована на немецкий лад. В общем, поди разберись, кто я – русский с примесью немецкой крови или немец с примесью итальянской? Внук мой Боря с примесью уже и грузинской крови. Старший внук Димочка – с примесью украинской... Мне всегда бывает смешно, когда иные наши «державники-патриоты» начинают делать «анализ крови», изучают генеалогию, спорят с пеной у рта о чистоте русской нации. А Екатерина II? А Пушкин? А Лермонтов? И пошло-поехало. Нравится это или не нра-

▲ Борис и Лия Добродеевы

вится, но человечество и раньше, и теперь обречено на смешение рас и наций. Именно такой бурный коктейль разных кровей – европейских, азиатских, африканских и латиноамериканских – создал феномен Америки, которая, как бы мы ее за многое ни осуждали, ни ругали, не случайно стала экономическим флагманом, самой мощной державой мира.

ДЯДЯ ЭРНСТ

Старший брат мамы Эрнст Яковлевич пользовался в семье непререкаемым авторитетом. Отчасти потому что после ранней смерти отца, Якоба Лампартера, он стал для сестер и младшего брата вроде родителя, отчасти потому что в силу своего кристально честного и справедливого характера был для них всегда примером.

Так уж случилось, что, не имея своих детей, он одарил любовью и трогательной заботой племянницу и племянника – Лию и меня. И мы этого никогда не забывали.

Судьба его складывалась драматично.

Эрнст Яковлевич и его старшая сестра Ленни учились перед революцией в Петербурге. Он с отличием окончил политехнический институт по специальности электротехника, она – консерваторию по классу фортепьяно.

Вслед за октябрьским переворотом 1917 года, этим общероссийским несчастьем, на дядю Эрнста обрушилось и семейное горе – во время вспышки холеры в Петрограде сестра Ленни внезапно скончалась. Он был очень к ней привязан. И хотя Эрнст Яковлевич мог найти работу и в Питере, да и в Германии, куда его приглашали (инженеры-электрики были нужны повсюду), он поспешил обратно в родной Тифлис. Там его с нетерпением ждала мать Шарлотта Карловна, тяжело переживавшая потерю старшей дочери. Другие ее дети – Альберт и Юлия были далеко...

Но была еще одна, очень личная причина, почему дядя Эрнст спешил в Тифлис. Его ждала там невеста, недавно окончившая гимназию, Лици Майер, дочь известного в городе врача. Не могу не заметить, что тогда в Тифлисе особо уважаемыми докторами были двое: доктор Майер и доктор Киршенблатт (дед нашего академика и экс-премьера Евгения Максимовича Примакова).

Вскоре после возвращения Эрнста Яковлевича в Грузию, где у власти находились меньшевики, он женился на Лици Майер. Не знаю, как она выглядела в те годы, я же запомнил ее высокой, милостивой, немного сухопарой, она носила пенсне. Всегда была сдержанной, строгой, и вместе с тем очень избалованной. Возможно, грешу, но мне кажется, что замуж она вышла без особой любви: ей несомненно было лестно предложение руки от столь известного в Тифлисе человека, как Эрнст Лампартер, хотя он был старше ее лет на 10-12.

Выросшая в тепличных условиях, в состоятельной семье, очень инфантильная, не получив никакой специальности, Лици (или, как ее с возрастом стали называть,

▲ Борис Добродеев

Фелиция Эмильевна), став женой Эрнста Лампартера, получила надежную опору в жизни. Муж ее обожал, баловал, как ребенка, а она, ничем в общем-то не занятая, не имея детей, скучала, томилась, ожидая, когда поздно вечером он вырвется наконец с работы. Ее благополучный и довольно праздничный образ жизни раздражал нашу маму, погрязшую в вечных заботах о семье. Они, мягко говоря, сразу невзлюбили друг друга, и это печально отражалось на отношениях матери с братом Эрнстом.

Эрнст Яковлевич и Фелиция Эмильевна жили с ее родителями в принадлежавшем доктору Майеру небольшом двухэтажном особняке на Плехановском проспекте, недалеко от немецкой кирхи. Две комнаты занимал дядя Эрнст с женой, в остальных располагалась чета Майер и их сын Виктор, «вечный» студент-медик, не очень спешивший окончить учебу. (Я повстречал Виктора Майера 50 лет спустя в Берлине, но это отдельная история.)

Я любил бывать в этом доме, веранда которого выходила в тенистый парк, принадлежавший Закавказскому военному округу. В жару по вечерам оттуда веяло прохладой и доносились звуки оркестра. А на веранде у дяди была настоящая оранжерея. В деревянных ящичках и горшочках заботливо выращивалось множество цветов, кактусов, разных экзотических растений.

Но, конечно, главная радость была в том, чтобы увидеться и поболтать с дорогим дядей.

Переехав в 1944 году окончательно в Москву, я в каждый свой приезд в Тбилиси обязательно шел сюда, на Плехановский проспект, чтоб еще раз взглянуть на окна любимого старого дома, в котором уже давно жили чужие люди... Потом этот дом снесли, построили на его месте новый... И все поросло буйем.

Все, кто знал в Тбилиси Эрнста Яковлевича Лампартера, кто с ним соприкасался по работе, считали его не только первоклассным специалистом, но и человеком глубокого ума и удивительного благородства. Других мнений я о нем не слышал.

Иногда я думаю: как бы сложилась его жизнь, если бы он уехал в Германию? Ведь он имел такую возможность не только после окончания учебы в Петербурге. Только вряд ли смог бы он смириться с нацистской идеологией.

Он был очень нравственным человеком. И поэтому пользовался таким беспредельным доверием среди немецко-колонистов Закавказья, чьи поселения были разбросаны в соседних с Грузией районах Азербайджана и Армении. Колонисты избрали его одним из руководителей своего очень дружного землячества. Я думаю, это обстоятельство его и погубило.

В немецких колониях Закавказья у нас была бесчисленная родня – двоюродные и троюродные братья и сестры матери, какие-то тетки и дядья.

По праздникам они старались заполучить к себе дядю Эрнста, а позже и нас – маму с детьми.

Я еще помню азербайджанские названия станций, куда мы приезжали в гости, – Тауз, Дзехам... Нас встречал один из немецких родичей и вез в колонию на большой подводе, поперек которой были положены доски для сиденья. Крепкие кони легко бежали под гору. По обеим сторонам дороги простиралась плантация виноградника, фруктовые сады, пашни...

Все это было возделано на малоплодородных гористых, а иногда сильно заболоченных землях каторжным трудом нескольких поколений немецких переселенцев. Их колонии к тому времени, когда я их увидел – в начале 1930-х годов, производили впечатление цветущих оазисов на фоне нищих и грязных азербайджанских селений. При советской власти немцам Закавказья (не знаю, как в других регионах России и на Украине) немислямо повезло. Их не коснулись ни кампания по «раскулачиванию», ни коллективизация. И вот почему. История освоения переселенцами из Германии этих земель была, как я уже говорил, долгой и мучительно трудной – в борьбе с тяжелым климатом, незнакомыми условиями, бандитскими набегами турок, эпидемиями. Сложности необычайно сплотили колонистов, заставили их все делать сообща, вместе. Поэтому когда советская власть стала повсюду сгонять крестьян в колхозы, она поняла, что здесь, у немцев, и так свой «колхозный строй». И не стала их трогать. И немецкие колонии в Закавказье продолжали богатеть и благоустраиваться. Всюду стояли добротные кирпичные дома, улицы были покрыты асфальтом. Здесь позабыли про непролазную грязь. В каждой колонии – электричество, водопровод, почти в каждой семье – пианино или заграничный радиоприемник, по которому сквозь треск и шум они слушали передачи из Германии. Им это впоследствии припомнят.

Колонисты выращивали богатейшие урожаи зерновых, овощей и фруктов, у них было образцовое мясо-молочное хозяйство. Эти продукты они поставляли на рынки Тифлиса, Баку, Ростова и других городов. Вина пользовались такой высокой репутацией, что их вывозили бочками и в Москву, и в Ленинград.

Обычно мы с мамой и Лией отправлялись в одну из колоний по приглашению на Рождество. Мне было тогда пять или шесть лет, но я отлично помню, как все это выглядело. Предрождественские дни – сезон приготовления домашних колбас на год вперед. Сперва закалывали свиней у Франца, промывали кишки (все тогда было натуральным, никакой синтетики) и делали несколько сортов потрескающих по вкусу колбас и ветчины. Потом этот же процесс продолжался в доме у Петера, затем в доме Рихарда и так далее. Чтобы ребятня не толкалась под ногами, не мешала, в одном из домов организовывался на это время импровизированный детский сад. Так семья за семьей запасались на год вперед колбасными изделиями. И непременно в том доме, где заготовка колбас завершалась, вечером гуляли всей компанией за щедрым столом, естественно, с выпивкой. Это был ритуал. Шумное веселье, но без пьянки – завтра предстояло потрудиться уже в другой семье.

Такая зажиточная, размеренная жизнь колонистов меня, городского мальчишку, видящего все время нужду, очереди и дефицит продуктов, поражала.

Пройдет несколько лет, разразится война с Германией, и всех советских немцев в течение одной ночи, почти без вещей, вышвырнут из родных домов.

Сотни тысяч немцев Украины, Крыма, Поволжья, Закавказья будут депортированы в Среднюю Азию, Казах-

стан и Сибирь. Разлучат жен и мужей, родителей и детей. Женщин направят в нищие колхозы, на пастбища, почти всех мужчин загонят на «трудовой фронт» - на шахты и лесоразработки. Эта трагедия, к сожалению, до сих пор известна не очень многим. Конечно, она не сравнима с чудовищным Холокостом. Но никто до сих пор не дал себе труда да и не нашел средств, чтобы, как знаменитый режиссер Спилберг создать специальный фонд для сбора свидетельских показаний жертв этого геноцида.

Говорят, что более половины депортированных советских немцев, сотни тысяч людей погибли. Немецкие колонии в Закавказье были полностью разграблены. Местные жители, занявшие покинутые дома, умудрялись разводить костры и жарить в комнатах шашлыки прямо на паркете, сады и виноградники, в которые, как я уже говорил, был вложен труд нескольких поколений, без должного ухода стали быстро погибать. Словом, двухсотлетние усилия немецких переселенцев пошли прахом.

Теперь вернусь к рассказу о судьбе дяди Эрнста. Когда Германия, введившая свои войска в Закавказье в 1918 году, стала их эвакуировать из Грузии (не помню уже точно, то ли в том же 1918-м, то ли в 1919-м), германский консул в Тифлисе, пригласив к себе Эрнста Яковлевича как одного из руководителей немецкого землячества, порекомендовал ему принять германское подданство (что сделали к тому времени уже многие немцы в Закавказье) как некую охранную грамоту на случай, если придут большевики. Но дядя Эрнст от этого предложения отказался, считая своей родиной Грузию. Отказалась от германского подданства и его жена Лицци. А вот родители ее и брат Виктор, вся семья доктора Майера приняла германское подданство, хотя время показало, что многих немцев в Союзе статус иностранца не спас от НКВД.

В 1921 году в Грузию вошла Красная армия, изгнав меньшевистское правительство, которое бежало через Батуми во Францию. В Тифлисе немедленно начались репрессии.

Видимо, агенты ЧК в Грузии заранее составили списки «нежелательных» и «подозрительных» элементов. Дядю Эрнста сразу арестовали то ли как руководителя немецкого землячества (это значило в глазах большевиков только одно: «иностраный агент»), то ли как «буржуазного специалиста», которые тоже приравнивались к врагам советской власти. Про страшные дни или недели (точно не знаю), проведенные в застенках ЧК, Эрнст Яковлевич никогда не вспоминал при нас, наверное, во имя самосохранения. Но моей маме все же стало кое-что известно.

Оказывается, знаменитые серные бани в старом районе Тифлиса Майдане, доставлявшие столько радости купальщикам, стали в первые месяцы советской власти в Грузии пыточными камерами. Арестованных чекисты свозили туда и бросали в бассейн с горячей водой. Для

«забавы» запускали в камеры голодных крыс, кусавших истязаемых. Но это была еще не главная пытка. По ночам Эрнста Яковлевича, как и других заключенных, палачи вывозили за город, где имитировали расстрел – целились, стреляли, но поверх головы. (Тогда и появилась та ранняя седина у дяди Эрнста, которая меня всегда удивляла.) Потом его вдруг отпустили. Очевидно, из сугубо практических соображений. Как ни поносили большевики «буржуазных спецов», они очень нуждались в них. И действительно, вскоре Эрнсту Яковлевичу было поручено участвовать в осуществлении одного важного проекта – сооружении первой в Грузии большой (по масштабам того времени) гидростанции на реке Куре в предместье Тифлиса, Авчале. Эта станция, Земо-Авчальская ГЭС имени В.И. Ленина, явилась надолго основным поставщиком электроэнергии Тифлиса – его жителям, коммунальному хозяйству и предприятиям. А Эрнст Яковлевич Лампартер стал на многие годы главным инженером ТУЭСа – Тбилисского управления электрического снабжения.

В 1937 году часто сажали «по цепочке»: за мужем жену, за женой – братьев, сестер и так далее.

Мы страшились, что после ареста дяди Эрнста заберут кого-то из нашей семьи. Очень боялись за отца. Мама каждый вечер перед сном на всякий случай собирала стопку белья папе, клала у его изголовья – вдруг придут ночью. Такие «приготовления» были тогда во многих домах.

О, эти длинные тоскливые ночи 1937-го... Изматывающее чувство обреченности и бессилия. Даже у нас, у детей. Мне исполнилось тогда 10. Но я все понимал. И каждая ночь была пыткой. Волна арестов прокатилась и по нашей тихой Боржомской улице. Исчезали знакомые, соседи. Я каждую ночь маялся до рассвета, с тревогой прислушивался к шуму проезжающих машин за окном. Их тогда в Тбилиси было еще мало, и уж если кто едет ночью... Я вздрагивал, услышав звук тормозов у нашего дома: неужели к нам?

Мания преследования овладела миллионами. И как ее «отрыжка» - эпидемия доноительства, в наивной и подлой надежде на самосохранение.

Под утро я наконец засыпал, а днем мы уже узнавали, кого забрали этой ночью в соседнем доме номер 7, номер 8... И так далее...

Этот страх, эта запуганность не прошли бесследно, они отразились на психологии народа, ибо в той панической атмосфере выросло не одно поколение людей, что неизбежно привело к гражданской трусости, примиренчеству, политической пассивности миллионов, к конформизму. Я бы назвал это наследием 1937 года, синдромом 1937-го...

Борис ДОБРОДЕЕВ
(Окончание следует)

ЗРИ В КОРЕНЬ!

«Зри в корень!» - глубокомысленно призывал когда-то читателя небезызвестный Козьма Прутков. Что ж, если последовать этому совету буквально, то, наверно, нас ждет немало любопытного и неожиданного при попытке заглянуть, из каких корней родились и на какой почве произросли некоторые слова и выражения, которыми мы ежедневно пользуемся.

Вот, например, советуем мы кому-то «зарубить себе на носу», подразумевая, конечно, что собеседник должен сказанное запомнить надолго и основательно. Если вдуматься, то смысл этого выражения кажется, по меньшей мере, жестоким – согласитесь, не слишком приятно представить себе топор рядом с собственным носом. На самом же деле все не так печально. В этом выражении слово «нос» не имеет ничего общего с органом обоняния. В данном контексте «носом» называется острая палочка, к которой прилагалась памятная дощечка или бирка для записей. В далеком прошлом неграмотные люди носили с собой такие дощечки, а с ними палочки, с помощью которых и делались всевозможные заметки или зарубки на память. А выражение «остаться с носом» имеет совершенно другое происхождение, хотя с носом на нашем лице тоже не имеет ничего общего. Еще в девятнадцатом веке словом «нос» называли подношение, проще говоря, взятку, которую проситель нес должностному лицу. Те, кому отказывали в приеме, чувствовали себя обиженными, обманутыми в своих ожиданиях и оставались со своим «носом», то есть непринятой взяткой.

Думаю, многие знают, что выражение «метать бисер перед свиньями» в нашем языке пришло из Библии. Но интересно, что в тексте Евангелия (в современном русском переводе) это выражение звучит несколько по-иному: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими, обратившись, не растерзали вас». Смысл высказывания глубок: бесполезно приобщать к духовным ценностям тех, кто не желает или не готов к своему духовному совершенству. Образы псов и свиней олицетворяют в евангельском тексте нечестивцев и беззаконников. А жемчуг символизирует слово Божие. А теперь – самое интересное. Некоторые исследователи, комментируя эту фразу в латинском переводе, связывают слово *margaritas* (жем-

чуг) со старой традицией византийской церкви. Тогда освященный хлеб, раздробленный на мелкие крошки, так и назывался по-гречески – «жемчужинки». До сих пор в греческом языке это слово является обозначением как жемчуга, так и хлебных крошек. Не правда ли, так и напрашивается сравнение – название русской каши перловка и устаревшее перл – жемчужина. То есть, если перевести ту же библейскую цитату буквально, то она звучала бы так: не бросайте псам освященного мяса, а свиньям освященного хлеба (хлебных крошек). Любопытно, что в некоторых европейских языках греческое слово *margaritas* приобрело ассоциации с названиями цветов. Поэтому на Западе часто говорят: «Безумие сеять маргаритки (розы) перед свиньями». Почему же в русском языке это выражение закрепилось не со словом жемчуг и не со словом маргаритки, а со словом «бисер»? Оказывается, слово «бисер» было когда-то основным наименованием жемчуга в древнерусском языке. С таким значением оно и сохранилось в нашем древнерусском языке уже с XI века.

Интересно, что многие из привычных для нас, устоявшихся выражений обязаны своим появлением деятельности реальных исторических лиц. Начинаешь докапываться до корней, породивших какое-то меткое выражение, и открываешь для себя целые пласты давно забытых подробностей русской истории. Так, при царе Алексее Михайловиче в 1649 г. было принято Соборное уложение, одна из статей которого предписывала в качестве наказания за определенные виды преступлений закапывание живьем в землю. Отсюда ведет свое происхождение выражение «стоять как вкопанный». При Алексее Михайловиче в народную речь вошло и выражение чтоб неповадно было – это фраза из того же Уложения 1649 года.

А выражение «пускать пыль в глаза» появилось в XVI веке. В настоящее время оно употребляется в значении «создавать ложное впечатление о своих возможностях». Однако первоначальный смысл другой: во время кулачных боев нечестные бойцы брали с собой мешочки с песком, который бросали в глаза соперникам. В 1726 г. этот прием был запрещен специальным царским указом. Нередко о неряшливо одетом человеке мы говорим, что он имеет «затрапезный вид».

Появилось это выражение при Петре I и никакого отношения, оказывается, к трапезе не имеет. Затрапезников – это фамилия купца, фабрика которого выпускала очень грубую и низкокачественную ткань. Естественно, что одежда, сшитая из этой ткани, выглядела далеко не лучшим образом. С тех пор, видимо, и не хочется выходить на улицу в затрапезном виде.

Что ни слово, то своя история, а бывает, что история эта довольно печальная. Например, не повезло слову «пошлость». Оно исконно русское и коренится в глаголе «пошли». До XVII века оно употреблялось в более чем благопристойном значении и означало все привычное, традиционное, совершаемое по обычаю, то, что «пошло» исстари. Однако в конце XVII – начале XVIII веков начались Петровские реформы, прорубка окна в Европу и борьба со всеми древними «пошлыми» обычаями. Слово «пошлый» стало на глазах терять уважение и теперь все больше значило «отсталый», «постылый», «некультурный», «простоватый». Вскоре пошлостью стали чаще называть тривиальность, банальность, ограниченность. Пошлая шутка – значит заезженная и даже неприличная.

Распространенное сегодня в бытовой речи слово «лох» два века назад было в ходу только у жителей русского Севера и называли им не людей, а рыбу (от финского lohí – лосось, семга). Лосось мужественно и упорно идет к месту нереста. Поднимаясь против течения, он преодолевает даже крутые каменистые пороги. Понятно, что, добравшись и отнерестившись, рыба теряет последние силы и израненная буквально сносится

вниз по течению. А там ее, естественно, ждут хитрые рыбаки и берут лоха голыми руками. Мясо такой полудохлой рыбы, конечно, не отличалось хорошим качеством, и его старались поскорее сбыть торговцам. Постепенно слово «лох» перешло из народного языка в жаргон бродячих торговцев – офеней (отсюда возникло и выражение «болтать по фене», то есть общаться на жаргоне). «Лохом» они прозвали мужичка-крестьянина, который приезжал из деревни в город, и которого было легко обмануть, сбыть ему некачественную рыбу. А кого сегодня называют «лохами», объяснять, я думаю, нет нужды.

Довольно интересно выглядит и история слова «врач». В старину медицинские методы очень отличались от сегодняшних. Лечили тогда больше заговорами. Приходил к больному знахарь и говорил что-нибудь вроде этого: « Уйди, болезнь, в пески сыпучие, в леса дремучие». Бормотал в общем. А бормотание, болтовня в те времена назывались «враньем». Болтать значило врать. Кто трубит – тот трубач, кто ткет – тот ткач, а кто врет – тот (не в обиду нашим докторам сказано) врач.

Лопе де Вега написал когда-то: «Если хорошо сказано, то не все ли равно, на каком языке?» И действительно, многие, давно ставшие русскими выражения имеют иностранного автора. Например, всем известны слова реформатора Церкви Мартина Лютера: «Не следует ребенка вместе с водой выплескивать из ванны». «Уповать на Бога, но держать порох сухим», - приказал своим солдатам, форсировавшим реку, Оливер Кромвель. Первую часть фразы забыли, а вторая (держать порох сухим) осталась. «Лучшее – враг хорошего», - между делом бросил в вечность Вольтер. «Деньги не пахнут», - поделился жизненным опытом римский император Веспасиан. Кстати, это выражение имеет интересную историю. Когда сын упрекнул Веспасиана в том, что он ввел налог на общественные уборные, император поднес к носу сына первые деньги, которые поступили в казну в качестве налога, и спросил, пахнут ли они.

«Время – деньги», - провозгласил американский ученый и политический деятель Бенджамин Франклин. Лукиан советовал нам «не делать из мухи слона», а Дюма-отец рассказал о «развесистой клюкве», под которой он обедал с губернатором города Тамбова.

Немало выражений пришло в русский язык «кружным путем». Так, Монтескье, встретив в тексте Цицерона выражение «поднимать бурю в лодке для жертвенных возлияний вина», перевел его короче и проще – «буря в стакане воды». Перевод оказался настолько удачным, что выражение прочно прижилось в русском языке. А вот англичане «стакан воды» заменили, не трудно догадаться, «чашкой чая». Волнения по пустякам они так и называют – «буря в чашке чая».

Что ж, будем «называть вещи своими именами» по совету Эразма Роттердамского.

Виктория ПОПОВА

МАГНИТ ДЛЯ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Доктор филологических наук профессор Кубанского государственного университета, действительный член Академии гуманитарных наук Владимир Ильич Чередниченко – тбилисец. В Грузии он родился, с отличием окончил филологический факультет Тбилисского государственного университета. В 1982 году защитил кандидатскую диссертацию «Поэтика художественного времени А.А. Фета». В 1987-м – докторскую диссертацию, в которой впервые в науке была разработана концепция художественного времени и построена типология временных отношений применительно к литературному роду. Действительный член Международного научного общества по изучению времени (ISST). Вице-президент Международного научного Центра междисциплинарных исследований (ICIS). Его научные интересы – философия времени, междисциплинарные исследования; теория и методология литературы; теория и методология журналистики; семиотика. Владимир Чередниченко принял участие в научно-практической конференции «Взаимопроникновение культур», которая прошла в Тбилиси в рамках международного форума «Культура и литература на пространстве Южного Кавказа».

- Владимир Ильич, расскажите, пожалуйста, о ваших научных корнях.

- Мой дед, Иван Александрович, был лингвистом и стенографом, создателем самой совершенной стенографической системы, которую ему удалось приспособить в довоенное время применительно и к грузинскому языку. Его лозунгом было «Фиксировать для современников и потомков самые возвышенные мысли в самое короткое время самыми сокращенными знаками». Лозунг более чем актуальный и в наши дни, хотя

интерес к стенографии из-за бурного развития новых технологий упал. Вопреки гуманитарной семейной традиции с детства я бредил математикой и астрономией и свернул в сторону лишь в последний момент, когда надо было определяться с выбором факультета.

Думаю, математическая «жилка» помогла мне избирать нетривиальные пути в филологии. Главный мой труд «Типология временных отношений в лирике» был своего рода компромиссом между двумя видами знаний – гуманитарным и естественнонаучным. Концепция художественного времени (специфику последнего я выводил из сопоставления художественного времени с физическим и психическим), которую я успешно защитил в 1987 году как докторскую диссертацию, до сих пор никем не опровергнута. Признанием концепции послужило приглашение вступить в престижное Международное научное общество по изучению времени, которое в разные годы возглавляли лауреаты Нобелевских премий. В последние годы вместе с небольшой группой ученых я подвергал сомнению положение о нерасторжимости категорий пространства и времени.

- На форуме вы высказали свою точку зрения на сущность переводческой работы...

- Проблемам перевода художественных текстов посвящены сотни монографий и тысячи статей. Важен выбор корректной методики работы над переводом. Создание профессионального подстрочника можно рассматривать как первый шаг в деле перевода (особенно, если речь идет о переводе на неродственный язык), а попытку воссоздания адекватного психического переживания, запечатленного в подлиннике, - как второй. Второй путь требует знакомства с концепцией

установки Дмитрия Узнадзе. Именно она сумела наиболее глубоко прояснить механизм процесса перевода. Последующие десятилетия не дали в этом плане ничего принципиально нового.

- Почему вы стали заниматься журналистиковедением? И что такое семиотическая модель журналистики?

- В силу обстоятельств я поступил в 1994 году на факультет журналистики Кубанского госуниверситета. Теория журналистики находилась в ту пору в зачаточном состоянии. Многие журналисты не хотят признавать, что неумение создавать качественные тексты – это не столько проблема нехватки опыта, сколько неспособность применять на практике теоретические положения. Представьте себе журналиста, так и не усвоившего принципы построения заголовков и лидов: он приступает к написанию материала как слепой котенок, который тычется о стенку, пытаясь нащупать выход. В конце 1990-х мой сын – кандидат наук Игорь Чередниченко, чьи идеи уже получили признание ведущих специалистов, стал разрабатывать семиотическую модель журналистики. Изучая знаковую природу этой сферы и построив систему функций журналистики, он сумел по-новому высветить специфику журналистской деятельности. Открывались блестящие научные перспективы, кафедра, которую я возглавлял, пошла по этому пути. Но талант Игоря был слишком ярким, он бросил вызов серой массе провинциально мыслящих псевдоученых, интеллект которых не позволял им подняться до уровня понимания модели, не говоря уже о ее творческом освоении. Проект был свернут. Что касается практической журналистики, думаю, что к ней можно отнести целый ряд очерков и эссе, опубликованных мной в различных периодических изданиях, в том числе в «Русском клубе». На российском спортивном сайте kubsport.ru можно ознакомиться с моими аналитическими обзорами на футбольную тему.

- Интервью с вами в журнале «Интеллигенция и мир» озаглавлено «В науке был и остается только один счет – гамбургский». Прокомментируйте это положение.

- Ученого делает ученым не диплом о присуждении ученой степени, не долгая успешная научная деятельность, не оценка его деятельности другими. Ученого делает ученым природная способность создавать нетривиальные идеи и умение их обосновывать. Подделка эту способность практически невозможно.

- Какие процессы, по-вашему, протекают в современной русской филологии? Что вас радует, что беспокоит?

- Поколение выдающихся ученых-гуманитариев сходит с арены, а полноценной замены им нет. Ушли из жизни академики Гаспаров и Топоров, еще работают их коллеги Иванов, Успенский... Глубинное знание молодым поколением не востребовано, к управлению вузами пришли менеджеры, которых не интересуют научные идеи, не приносящие немедленных выгод. Такая стратегия ошибочна, и ее последствия обязательно скажутся на уровне научных работ, который и так недостаточно высок. Важно сохранить преемственность научных поколений, но сейчас этот разговор выглядит разговором в пользу бедных... Мы с Игорем практически подготовили к печати нашу научную переписку с Михаилом Гаспаровым, вот только заинтересованного издателя найти сейчас нелегко.

Семиотика – не панацея от бед, но ее включение в учебный план в качестве одной из фундаментальных гуманитарных университетских дисциплин считаю необходимым. Блестящие перспективы открывают также синергетические исследования, вот только филология и здесь числится среди отстающих. Многие гуманитарии возмущаются сейчас креном в сторону естественнонаучных дисциплин, но ведь это дух времени, и надо выждать, возможно, должно пройти несколько десяти-

летий, чтобы маятник начал раскачиваться в противоположную сторону. Искусственные меры ни к чему путному не приведут.

- Вы не скрываете своего увлечения театром. Что он дает вам?

- Люблю не только театральное действие как таковое, но и пьесы, предназначенные для чтения. Не буду оригинален, если скажу, что драматический конфликт, накладываясь на житейский, дарит нам катарсис. Жизнь современного человека протекает в жестоком цейтноте. Все чаще мы оказываемся, если продолжать использовать шахматную терминологию, в цугцванге, когда любое действие приводит к ухудшению ситуации, к стрессу. Драматический конфликт способен не только снять напряжение, но и подсказать возможный путь к разрешению будущих противоречий, напеть нам мело-

▲ Владимир Чередниченко

дию выхода из тупика. И не только. Являясь действенным фильтром, он очищает наши эмоции, просветляет их. Сейчас вся наша жизнь театрализуется, даже политические дебаты являют собой театрализованное действие. Интерес же к профессиональному театру падает. Настала пора перемен. Нужна встряска наподобие той, которую задал в середине XX века театр абсурда. Требуется реформировать театр – сделать пьесы более лаконичными и зрелищными. В этом направлении, например, работает мало кому пока известный российский драматург-новатор Тим Чигирин. Его «зонтичный театр» способен придать театральному действию новый импульс. Недаром идеями Тима уже заинтересовались российские постановщики и их грузинские коллеги.

- Каковы, на ваш взгляд, перспективы научных контактов между Россией и Грузией? Чем, по-вашему, был полезен тбилисский форум?

- Надо чаще собираться вместе, обсуждать научные проблемы, обмениваться опытом, дискутировать, а также, если воспользоваться словами одного из героев фильма «Не горюй!» – «петь, пить, веселиться», одним словом, радоваться жизни. Грузия всегда была магнитом для русской интеллигенции, так уж исторически сложилось. Пауза в отношениях была поучительной: обе стороны убедились в том, что контакты – прежде всего, творческие и научные – необходимы для двух соседних народов, исповедующих одну религию. Прошедший форум – яркое тому подтверждение. Люди науки говорят на одном семиотическом языке, который способен преодолевать любые преграды.

Беседа вела Инна БЕЗИРГАНОВА

ТАК ГОВОРИЛ ТОВСТОНОГОВ

Великое счастье – быть учеником великого учителя.

Георгий Товстоногов, которого по праву можно причислить к лику театральных святых, был именно таким учителем – великим. Щедрым и внимательным, умным и строгим, терпимым и нетерпимым.

Счастливым, почетным и очень нелегким званием «ученик Товстоногова» режиссеру приходится оправдывать всю жизнь. Как говорится, «на веки вечные мы все теперь в обнимку на фоне...»

«Задачи, которые он ставил, были очень трудные, но интересные. Некоторые можно было решить только с испугу», - вспоминал главный художник БДТ Эдуард Кочергин. «К ученикам-режиссерам он более требователен и строг. Тут ни панибратства, ни упований на интуицию и импровизацию, - читаем в предисловии к сборнику «Георгий Товстоногов репетирует и учит». - Четкие формулировки, которые впрямую записывать в тетрадку - чего Товстоногов и требовал иногда. Режиссер с точки зрения профессии, как ее понимал Товстоногов, ответчик за театр, за качество спектакля, за искусство. За каждую ошибку актера, за его провал. Такова цена успеха – а он, зрительский успех, непререкаемый итог творчества, с точки зрения мастера. Товстоногов выпустил в жизнь несколько курсов – сначала в Тбилиси, потом в Ленинграде. Общее число учеников, прежде всего режиссеров, солидно: за девять курсов в Ленинградском театральном институте – почти сто человек. Поштучно, лицом к лицу, зная возможности каждого, Товстоногов работал над воспитанием наследников. Но были ли они в полном смысле наследниками? Никто не повторил Товстоногова – не только потому, что (они сами в этом признаются) уровень его режиссуры недостижим. Выбор учеников изначально предполагал непохожесть, самостоятельность, самобытность. Это-то и делало другими выпускников мастерской Товстоногова».

Однако годы идут, и приходит время отдавать долги.

И ученики Мастера – Михаил Туманишвили, Тенгиз Абуладзе, Кама Гинкас, Генриетта Яновская, Гига Лордкипанидзе, Темура Чхеидзе и другие – воздавали и воздают должное памяти учителя своими трудом, талантом, мастерством. А еще они часто вспоминают Товстоногова – дают интервью, пишут мемуарные заметки для сборников...

Режиссер, драматург Сандро Мревлишвили, народный артист Грузии, лауреат Государственной премии Грузии и премии имени Котэ Марджанишвили, профессор, написал об учителе книгу – «Режиссерские уроки Товстоногова». В скором времени, надеется, книга, изданная на грузинском языке, выйдет в свет и на русском.

А пока – мы беседуем с мастером о мастере, с учеником об учителе. И о многом другом.

- Давайте начнем с начала. Где вы учились, батоно Сандро?

- Я закончил Первую тбилисскую школу. У меня были замечательные учителя. Я помню учительницу русского языка и литературы Валентину Сысоевну Чхенкели. Кстати, в те годы, когда я перевелся на учебу в Ленинградский театральный институт, сценическая речь была факультативным предметом. Но мне как нерусскоязычному предложили пройти русскую сценречь. Этот предмет преподавала профессор Рыжухина, весьма нетерпимая к разным акцентам в русском языке. При первой встрече она заявила, что, видимо, у меня будут проблемы. И предложила что-нибудь прочитать. Я вспомнил стихотворение, которое читал в школе на вечере Пушкина, «Памятник». Прочел. И профессор Рыжухина сказала: «На сценречь можете не ходить».

- В этом была заслуга школы?

- Во многом это заслуга Валентины Сысоевны. Но вообще общение с русским языком – и в

семье, и в среде – было постоянным. Русский был вторым родным языком. Не будем уходить вглубь всяких взаимоотношений, но русский язык – один из величайших на земном шаре, богатый, метафоричный. И знать этот язык – счастье. После школы я поступил в Тбилисский театральный институт.

- А почему решили поступать именно в театральный?

- Не знаю. Это ведь во многом происходит подсознательно. Когда решение приходит от натиска ума, всегда кончается плохо, а если интуитивно – это верно. Хотя в школе я очень любил геометрию, математику и особенно – физику. Но, кроме того, я с детства все время что-то писал – эссе, сочинения на свободные темы. Нам повезло с учителем грузинского языка и литературы. На первом уроке Шалва Гигашвили предложил нам написать свободную тему – «Утро». В то время наша семья жила на тогдашней улице Ильи Чавчавадзе, и когда утром я шел в школу, замечал – весь город еще покрыт утренним туманом, а первый солнечный луч уже падает на церковь Мама Давиди. С этого я и начал свое сочинение. Потом написал про Пантеон на Мтацминда, людей, там похороненных – Илью Чавчавадзе, Акакия Церетели, Важа Пшавела, Николоза Бараташвили... На следующий день учитель прочел в классе мое сочинение как образцовое и передал его моему отцу. Оно и сейчас хранится у меня.

- Родители одобрили ваше решение поступать в театральный?

- Они не вмешивались.

- Они были людьми творческими...

- Да, причем вся родня, не только наше семейство. Достаточно просто перечислить. Мой отец Михаил Мревлишвили – писатель, драматург (Спектакль по пьесе М.Н.Мревлишвили «Пламенный мечтатель» был поставлен в театре им. Грибоедова в 1958 г. – Н.З.). Сестра отца Малико Мревлишвили – знаменитый педагог по сценречи, основоположница этой дисциплины. В свое время была актрисой, сподвижницей Марджанишвили. Ее супруг – Поко Мургулия, заслуженный деятель искусств Грузии, в свое время, кстати, директор Грибоедовского театра. Другая тетка – Тина Мревлишвили, филолог, первая женщина-профессор в Грузии. Ее муж – Григорий Кокеладзе, фольклорист и композитор. Моя мама, Фаина, была образованнейшей женщиной, окончившей два института. Кстати, я горд, что моей крестной стала мамина подруга Нато Вачнадзе. Дядя Григорий Киладзе – знаменитый композитор, лауреат двух Сталинских премий. Его сын Лилэ Киладзе – известный дирижер, ученик Гаука, народный артист Грузии. А их младший брат Сандро окончил летную школу во Франции, но тоже был человек артистичный. Как-то летом его семья отдыхала в Коджори, а у дочки был день рождения. Представьте, дети резвятся где-то на поляне, вдруг появляется самолет, который делает над ними низкий круг, и с самолета к имениннице летит подарок – кукла! Дядя Сандро был расстрелян в 1937-м... И так далее, и так далее...

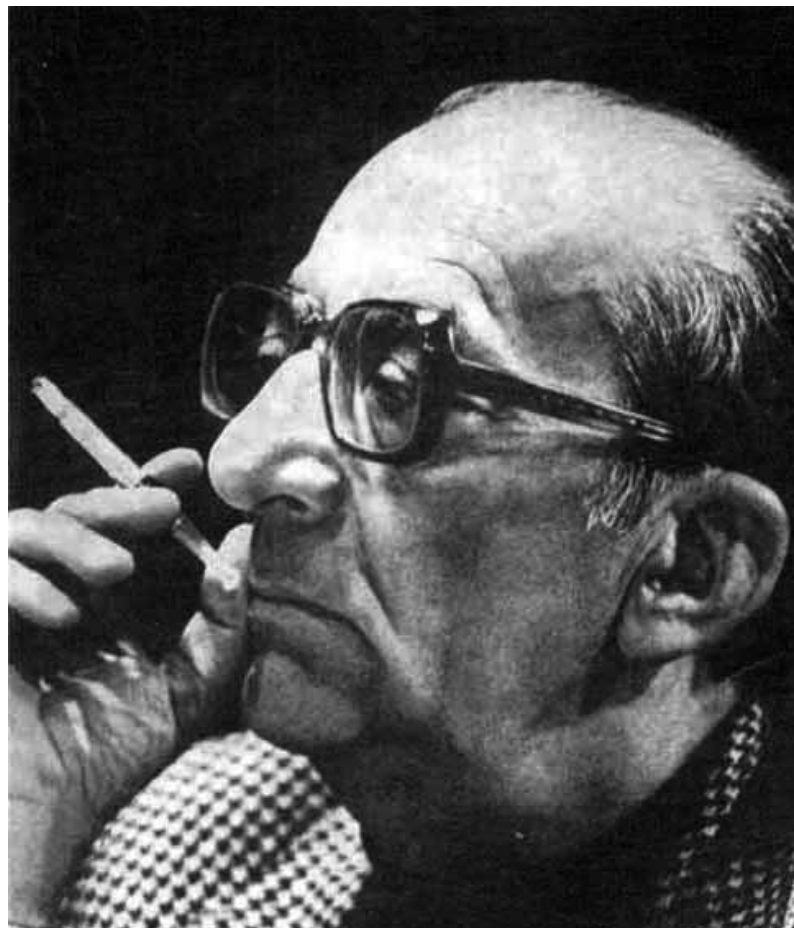
- Замечательная родня!

- Эта среда была мне родной. И так, я стал студентом театрального института. В те годы педагогический метод Георгия Александровича Товстоногова был легендарно знаменит. Тем более он семь лет преподавал в Тбилиси. А в 1958 году он набрал первый режиссерский курс в Ленинграде. Я очень хотел учиться у Товстоногова. Так совпало, что летом 1959 года, когда я окончил первый курс, в Тбилиси начались гастроли БДТ. И приехал Товстоногов. Благодаря моей тете, Малико Николаевне, а она была другом Георгия Александровича, состоялась моя встреча с Товстоноговым. Он пригласил меня на собеседование в гостиницу «Тбилиси» и беседовал три часа. Я был поражен,

что он уделил мне столько времени.

- О чем беседовали?

- Пересказать все невозможно. Он считал обязательными для режиссера качествами общую культуру, воображение и безграничную любовь к своей профессии. Это три кита, на которых держится профессия режиссера. И по всем этим трем пунктам он со мной прошелся. Он говорил так: «Я не научу вас ставить спектакли. Я перед вами поставлю вопросы, на которые вы должны отвечать всю жизнь. И чем больше будет этих вопросов, тем будет выше ваш профессиональный уровень. Например, мы с вами сейчас находимся в гостинице. И вы, и я – гости. Какие вопросы для нас, гостей, важны? Какова стоимость проживания, какой вид из окна, есть ли в номере ванная, горячая вода, телефон, телевизор... И все. Вопросов всего несколько. А для строителей и архитектора – вопросов уйма. Какой грунт, сколько этажей, как проходят коммуникации, какие межэтажные перекрытия... И чем больше таких вопросов, чем профессиональнее архитектор или строитель отвечает на них, тем строение получается значимее. Вы получите от меня вопросы. А потом – отвечайте сами». И в конце беседы он предложил мне прислать документы и явиться в Ленинградский театральный институт в конце августа. Что я и сделал. В Тбилиси я учился у ученика Товстоногова,

▲ Георгий Товстоногов

Гиги Лордкипанидзе. Георгий Александрович остался доволен той программой, которую мы прошли с Гигой, и пошло-поехало... На втором курсе мы получили обязательное задание сделать инсценировку, потому что, как нам объяснил мастер, инсценировка – это значит не просто приспособить литературное произведение к сцене, а выстроить драматургическую линию, что может произойти только с помощью режиссерского

▲ Сцена из спектакля «Сотворившая чудо»

приема. Найти прием – это самое главное. На этом учишься и действительному мышлению, образно-сценическому, и постигаешь законы драматургии.

- Что такое режиссерский прием?

- Это ключи, которые открывают все двери, волшебное слово «сезам», которое дает решение всех сцен.

- Ну, для наглядности – каков режиссерский прием в товстоноговском «Холстомере»?

- Я бы сформулировал так: человек создает музыку человеческой души на примере лошади. Отсюда особая пластика, ирония... В спектакле Товстоногова отношение ко всему – философско-умудренное и одновременно легкое.

- Я знаю, что вы сделали инсценировку рассказа Веркора «Молчание моря»...

- Да, но я об этом уже и рассказывал, и писал, поэтому приведу другой пример. Студент Киселев (потом он стал главным режиссером Мурманского театра) взял для инсценировки рассказ Чехова «Переполох». Помните?

- Помню. В доме пропадает брошь, хозяйка оскорбляет всех, оскорбленная гувернантка решает покинуть эту семью, а муж хозяйки признается, что брошь украл он.

- Точно. Киселев растасовал все действие по комнатам – так, как это происходит у Чехова. Когда он прочел свою инсценировку, Товстоногов предложил прием – пусть действие происходит не в комнатах, а в холле, куда выходят двери всех комнат. И все стало на свои места – переполох, двери хлопают, все бегает, в холле всех выстраивают для обыска... К тому же у Товстоногова было понятие «логический абсурд». В данном случае это означает, что хозяйка вызвала

жандармерию, которая и проводит обыск. Абсурд? Да. Но логический. Идя по этой логике, можно даже сделать так, и современный театр это позволяет, чтобы на сцену вышла бы не жандармерия, а КГБ в советских погонах. То есть это абсурд, путь к которому логичен. Или другой пример. Студент Голиков делал «Кроткую» Достоевского. И все предметы на сцене у него были реальны. Товстоногов предложил такой прием – предметы возникают как бы из тумана и опять уходят в туман. Вот это и есть прием. Георгий Александрович с юмором говорил, что прием – это то, что можно украсть. И режиссеры часто друг у друга заимствуют приемы.

- Кажется, что Товстоногов предлагал приемы с такой легкостью, словно брал их из воздуха...

- Нет, нет. Если режиссер профессионально работает над спектаклем, то каждую его работу можно сравнить с докторской диссертацией. Надо знать эпоху – литературу, живопись, быт... Что попадет на сцену – другой вопрос. Но знания будут подпитывать вашу фантазию. На втором курсе я делал режиссерский план пьесы «На всякого мудреца довольно простоты» Островского. И я придумал прием, который Товстоногову очень понравился. В самом начале у Глумова есть фраза: «Чем в люди выходят? Не все делами, чаще разговором. Мы в Москве любим поговорить. И чтоб в этой обширной говорильне я не имел успеха! Не может быть!» Определение «обширная говорильня» - очень хороший образ. Все говорят, сплетничают, льстят... И я решил, что спектакль будет обширной говорильней, из которой и возникнут все сцены. Мой замысел был таков – все на кругу, вертится-крутится, и этот огромный круг крутит шарманчик... Воодушевленный своим замыслом, я на занятии сделал доклад. Но мое выступление получилось безжизненным, мертвым, и я понял, что никакого впечатления не произвел. Сокурсники меня жестоко раскритиковали за формализм. А Георгий Александрович сказал, что никакого формализма тут нет, что ему очень понравился мой режиссерский прием, и он с удовольствием этот прием украл бы у меня. Но! Мой рассказ никого не взволновал. Почему? И Товстоногов мне предложил: «А ну-ка, пройдитесь по старой Москве тем путем, которым шел Глумов».

- В прямом смысле?

- В прямом. И я ничего не смог ответить. Потому что я не знал Москву 19 века. И он начал проходить этот путь сам, у нас на глазах – по рядам и рынкам, улицам и пассажам, встречал каких-то дам и господ, известных людей, беседовал с ними... И вдруг мой рассказ ожил в его устах. Товстоногов сказал, что он направляет меня в командировку в Москву на неделю, чтобы я походил по этнографическим музеям, букинистическим магазинам... Я провел замечательную неделю в Москве и уже мог оживить придуманный мною прием.

- Вы тоже считаете, что реальные знания и навыки необходимы? Я понимаю, что актерство – это другая профессия, но все-таки... Я читала, что разные актеры работают по-разному. Например, когда Роберт де Ниро играл таксиста, он месяц колесил по Нью-Йорку за баранкой настоящего такси. Роберт Редфорд, перед тем, как сыграть журналиста в фильме «Вся президентская рать», несколько недель провел в редакции «Вашингтон пост». А Жерар Депардьё и не думает осваивать никаких навыков перед новой ролью, прямо входит в кадр и играет.

- У актеров раз на раз не приходится. Но к режиссерской технике знания имеют прямое отношение. Человек искусства должен мыслить художественными образами, а образ на голом месте не рождается. Вот, например, в «Чайке» у Чехова есть, как вам известно, Тригорин – профессиональный писатель,

и Треплев – писатель бездарный, у которого в итоге ничего не получилось, отчего он и стреляется. И как раз перед самоубийством Треплев произносит фразу: «Тригорин выработал себе приемы, ему легко... У него на плетине блестящее горлышко разбитой бутылки и чернеет тень от мельничного колеса – вот и лунная ночь готова, а у меня и трепещущий свет, и тихое мерцание звезд, и далекие звуки рояля, замирающие в тихом ароматном воздухе... Это мучительно». Чтобы талант питался, чтобы родился образ, надо знать, какую тень отбрасывает мельничное колесо и как блестящее горлышко разбитой бутылки. И крайне необходимо знать эпоху. Не надо на сцене строить музей. Но образ рождается оттуда. У нас был очень хороший педагог по сценическому движению – знаменитый Иван Эдмундович Кох, он, кстати, и создал предмет «сцендвижение». Он показывал нам, например, как ходил русский чиновник. Почему он даже на улице шел, чуть сгорбившись, на цыпочках? Да потому что в присутствии он привык так ходить по коридорам, чтобы не потревожить вышестоящие чины. А как ходит мушкетер? Вразвалку, чуть отведя назад плечи, чтобы в любой момент быть готовым выхватить шпагу, и походка у него оправдана с точки зрения фехтования. Не в том дело, чтобы артист ходил так, как Атос. Но его физика и воображение должны чем-то питаться. А это – знания. Помните «Голубя мира» Пикассо? Он нарисован одной линией, одним росчерком. Но ведь Пикассо сделал больше ста эскизов. Это уже потом, если бог дал тебе талант, ты можешь ломать какие-то привычные измерения.

- *Какая у вас была дипломная работа?*

- Я поставил в Театре Руставели «Сотворившие чудо» Уильяма Гибсона. Там очень хорошо сыграли Белла Мирианашвили и Саломэ Канчели. Спектакль был в репертуаре. Я попал в распоряжение Министерства культуры Грузии. И вот в один прекрасный день я несу в министерство письмо от Театра Руставели с просьбой, чтобы меня распределили в их театр. Мне надо сделать четыре шага, поскольку министерство тогда находилось там, где сейчас располагается театральный институт. И на этом промежутке случайно встречаю Левана Мирцхулава, главного режиссера Сухумского театра. Он приглашает меня режиссером к себе в театр. И я отвечаю: «Еду».

- *У судьбы тоже есть свои режиссерские приемы... Но почему Сухумский театр перевесил Руставелевский?*

- Я всю жизнь был экзистенциалистом, и для меня было очень заманчиво – жить на берегу моря, свободно работать. Да и Сухумский театр был очень хорошим. Воля, свобода, а не инкрустированный саркофаг – Театр Руставели. Публика ходила в театр, мы часто ездили на гастроли. Я очень многому научился. Это было великолепное, лучшее время моей жизни – 1963-1966 годы.

- *Что из поставленного в Сухуми вам кажется наиболее удачным?*

- Я не буду сам говорить о себе. Но спектакль «Бравый солдат Швейк» театроведами считается одним из этапов в истории грузинского театра.

- *А почему ушли?*

- Не то чтобы ушел... Я почувствовал, что себя там исчерпал, что ли. Мне предлагали в ближайшем будущем место главного режиссера, но тут позвонил Гига Лордкипанидзе – тогда он был директором и художественным руководителем театра Марджанишвили – и предложил вернуться в Тбилиси и перевестись к нему. Я согласился и проработал там семь лет.

- *И как работалось?*

- Человеческие взаимоотношения с труппой, техническим персоналом были великолепные. Но творческого контакта с театром не произошло. Не сложи-

лось. Да и у меня был очень тяжелый период в личной жизни... А в это время из Украины возвратился в Грузию Дмитрий Александрович Алексидзе. Мы с ним набрали группу в театральном институте – актерско-режиссерскую. И, в общем-то, вели эту группу вместе. А за годы, проведенные в театре Марджанишвили, я написал пьесу. Как я уже говорил, меня с детства тянуло к перу. Кстати, сейчас я думаю, что надо было бросить все и писать, но мужества и решительности не хватило. Так вот, я написал притчевую пьесу на грузинский народный стих «Люди, гляньте на лозу» - «Модит внахот венахи». Это семь самостоятельных новелл, сюжетно не связанных, но соотносящихся со стихом – как коза поедает лозу, волк поедает козу и т.д. Конечно, в пьесе не лоза и не коза, а люди. Помоему, это первая попытка театра абсурда в грузинской драматургии. Мне ужасно хотелось кому-то прочесть написанное, а отцу читать я не хотел. На одном из занятий я говорю моим студентам, что некий автор написал пьесу, и я ее им прочту. И прочел. Спустя некоторое время у меня дома раздается телефонный звонок, и я слышу голос Алексидзе: «Слушай, Брехт, бери пьесу и сейчас же приезжай в институт». Брехт? Приезжаю. Алексидзе говорит: «Мне ребята все рассказали. У тебя в пьесе семь новелл, у нас в группе семь режиссеров. Каждому дадим по новелле, это будет их курсовая. Руководитель спектакля ты, а меня оставьте в покое». И убежал. Начали мы работать, работали увлеченно, и спектакль получился очень хо-

▼ Сцена из спектакля «Гамлет»

▲ Сцена из спектакля «Моцарт»

рошим и прошел с большим успехом. Мы его показали в разных точках Тбилиси, и я как-то сказал моим ребятам, что это может стать основой нового театра. А открыть театр в СССР – было из области фантастики. Тем более по инициативе снизу, а не сверху. Единственный пример и исключение – театр «Современник». К тому времени у меня уже созрело желание уйти из театра Марджанишвили. Тут освобождается должность главного режиссера в Батумском театре, и я собираюсь принять новое назначение. Иду в Театр Марджанишвили, чтобы сообщить о том, что ухожу. И на мосту меня догоняют двое студентов из моей группы.

- Опять режиссерский прием судьбы.

- Да. Не знаю, как они обо всем разнюхали. И говорят: «Вы же нам обещали, что мы сделаем театр. Куда же вы уходите?» Я отвечаю: «Я-то обещал, а вы готовы?» - «Готовы» - «Идем в бой?» - «Идем!» Я развернулся и напрямик отправился в ЦК комсомола, который занимался тогда всеми молодежными делами. Секретарем ЦК по идеологии был Нугзар Попхадзе. Я ему и говорю, что есть идея создать молодежный театр. И изложил план. Он ответил: «Давай начинать». Немедленно были составлены и разосланы соответствующие письма. И начался театр, в котором я проработал с 1974 по 2007 год – 33 года.

- Как Товстоногов – он тоже проработал в БДТ 33 года...

- А потом меня оттуда «ушли», чего-то там объединили-переобъединили. Но 33 года театр существовал и существовал неплохо.

- Вам пришлось уйти? Но ведь это ваше детище...

- Не просто детище, это еще и моими руками построенное помещение – последнее, в Александровском саду, где находится театр «Глобус».

- На этот раз приема судьбы не случилось, чтобы кто-то вас встретил или догнал и предложил новое дело?

- А может быть, в этом и был прием?

- Тогда к чему он вас ведет?

- Наверное, к тому, чтобы осмыслить новый театр. Чем я сейчас и занимаюсь.

- Поделитесь?

- Пока нет. Рано.

- Хорошо. Вы – заместитель председателя Театрального общества Грузии. Чем оно сегодня живет, что реально делает?

- Мы восстановили многие из старых традиций, например, обсуждение спектаклей. Показали в Доме актера несколько спектаклей. Театральное общество – это живой организм, который набирает силу для активной работы. Сейчас, слава богу, наш Дом ремонтируется.

- Государство помогает?

- Нет. Известный меценат обратил свое внимание и на нас. По окончании капитального ремонта общество начнет интенсивную деятельность. Все зависит от нас. Этот очаг культуры нельзя терять ни в коем случае – он существует более 130 лет, его основали Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели. Хотя кое-кто из популистских соображений заявляет, что Театральное общество – советский пережиток. Какая глупость... Как вы сами понимаете, во времена Ильи и Акакия не было никакого СССР.

- Этот очаг будет очагом культуры вообще или национальной культуры?

- Мы бессильны перед урбанизацией, глобализацией. Но мы можем найти верную дорогу среди необратимых исторических процессов. Национальная культура не может существовать без интернациональной. Это очевидно. Все забыли закон диалектического единства и борьбы противоположностей. Национальное и интернациональное – это две противоположности, но в их борьбе и единстве рождается прогресс. А это и есть диалектика.

- Как вы относитесь к вольным интерпретациям

классики? Например, к такой «Чайке», в которой между Треплевым и Аркадиной – эротические отношения...

- Это все или от бездарности, или от «вопрекизма», как говорил Товстоногов. Есть незабываемые основы того или иного вида искусства. На театре, например, главное – это драматургия и актер. С этим ничего не сделаешь. Правда, есть еще зритель. И режиссер – менеджер этих трех. Отрицать это – значит отрицать саму сущность театра. Время даст новые стили, методы, направления. Все пока находится на стадии поиска, бурлит, но постепенно возвратится на круги своя. Иного не дано. Театр абсурда давно умер...

- Но Годо так и не пришел.

- Не пришел. Но стал классикой. А новый Годо обязательно родится. Надо работать. И кто-то обязательно найдет золотой самородок.

- Когда вы приступаете к работе, думаете о том, что интересно вам, или о том, что может быть интересно зрителю?

- Вся беда в том, что мы начинаем забывать про профессионализм. Сейчас в театре, и не только, работает очень много непрофессионалов. Есть такое понятие – сверхсверхзадача. Сверхзадача спектакля – это обусловленная театральным мышлением идея, которую ты видишь в произведении. А сверхсверхзадача – связь сверхзадачи со зрителем. Когда эта стыковка происходит, тогда и получается настоящее театральное произведение.

- Каковы должны быть взаимоотношения художника с властью?

- Могут быть такими, как у Мольера с королевским двором. По сущности антимонархист, Мольер в каждой пьесе в финале выводит на сцену монархическую полицию, которая устанавливает порядок. А в страшной пуританской Англии, где действовала жесткая цензура (например, одна из пьес замечательного драматурга Бена Джонсона «Собачий остров» не сохранилась ни в одном экземпляре – изъято было все), королевский театр Шекспира ставил абсолютно диссидентские пьесы, только место действия переносили черт знает куда – то в Италию, то в Данию... За исключением «Хроник». Как и пьесы Брехта – ни одна из них не происходит в современной автору Германии. Кроме «Страха и нищеты Третьей империи». Разные уровни отношений художника и власти бывают.

- Какой вам ближе?

- Власть должна быть парадоксальной, но строгой. Не безобразной, не анархической, не популистской. Строгой. Потому что художник тогда вынужден мыслить более художественно. Иносказательность и метафоричность рождает значительно более масштабные и богатые образы.

- Поэтому советское время было таким урожайным на шедевры?

- Конечно! Сейчас можно все, и на сцене творится безобразие. А тогда творцы вынуждены были прятать свои идеи в область высокого художественного класса. Но иногда режиссеры советской эпохи прибегали к такому приему – в смелом диссидентском спектакле специально вводилась ненужная сцена, нарочито провокационная. И все внимание комиссий и репет-

комов было приковано именно к ней. Они требовали ее изъять, режиссеры отказывались, потом в конце концов соглашались, спектакль от этого не страдал, и на сцену попадало то, что режиссеры и хотели.

- Неужели комиссии не догадывались, что это тот самый режиссерский прием? Не все же там дураки были...

- У многих советских функционеров хватало мудрости, догадываясь, не говорить этого вслух. Потому что в глубине души если не 70, то 50 процентов как минимум, тем более, в Грузии, были гораздо большими диссидентами, чем те, кто кричал об этом на улице.

- Каков завтрашний день современного театра? Что нас ждет?

- По-моему, театр будущего – это обязательно театр слова, театр больших обобщений, общечеловеческих идей, преломленных в эмоциональные образы. Вы мне, конечно, скажете, что так было всегда. Но ведь все новое – давно известное старое. Сегодня любое шоу обладает такими техническими возможностями, что дальше и идти некуда. Это прекрасно,

▲ Сцена из спектакля «Декамерон»

и надо все эти возможности использовать. Я не призываю отказаться от компьютера и писать гусиным пером. Главное – писать. Знаете, когда в Советском Союзе появились вечные ручки – китайские, «паркеры», особым шиком у членов Союза писателей было носить в наружном кармане пиджака вечную ручку. И родилась шутка – раньше гусиным пером писали вечные произведения, а теперь вечным пером пишут гусиные произведения. По словам Лопе де Вега, театру нужен один сюжет, два актера и три доски. Поэтика театра заключена в драматургии, потому что в новой действительности, которую мы видим на сцене, должен быть свой сюжет, свой мир, свои страсти. Сделать это без слова невозможно. Мы сегодня живем среди виртуальных картинок, слышим максимально приближенные к действительности слова – но они все-таки не живые, не реальные. На этом фоне появляется колоссальная потребность в живом слове – органичном, эмоциональном, захватывающем. И мы обязательно к нему вернемся.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ – ДЕЛО ОДНО

30 июня не стало Дмитрия Александровича Тухарели, большого друга и постоянного автора журнала «Русский клуб» (в «РК» №7 за 2010 г. читайте статью «Двое в серых шинелях», которая была посвящена 85-летию Д.А. Тухарели). Доктор филологических наук, профессор Тбилисского государственного университета имени Ив. Джавахшвили, он многие годы был научным консультантом МКПС «Русский клуб». Его перу принадлежит выпущенный нами юбилейный буклет о В.В.Маяковском, ряд статей в журнале, посвященных поэту. С большой теплотой Дмитрий Александрович писал об ученых – своих коллегах, которых знал по совместной работе на филологическом факультете ТГУ – Серги Данелиа, Вану Шадури, Игоре Богомолоче... О многих других еще планировал написать. Не успел. Предлагаем вниманию читателей последнюю статью Дмитрия Тухарели.

Мне уже доводилось писать о трех руководителях кафедры истории русской литературы Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахшвили Серги Данелиа, Вану Шадури, Игоре Богомолоче. Продолжая рассказ о роли русистов в изучении и пропаганде русской литературы в Грузии, вспомним ученых Анну Чхеидзе (1892-1972), Марию Байсоголову (1898-1986), Лину Хихадзе (1926-2008). Первые две были моими учителями, а Л.Хихадзе – коллегой и подругой.

Анна Чхеидзе посвятила большую часть своей жизни науке. Выпускница Петроградского университета 1916 года, 13 лет спустя она начала читать лекции в Тбилисском университете. В 1942-ом защитила кандидатскую диссертацию «Крылов в грузинской литературе», и со следующего года – доцент кафедры.

Область ее научной деятельности в период 1937-1949 гг. четко прослеживается – творчество А.С. Пушкина, и, в частности, исследование одного произведения, «Истории Пугачева». Перед ученым стояла задача показать, как на пушкинский труд отреагировали власть и цензура. Так, после опубликованных работ А.Чхеидзе в научных кругах стала известна реплика российского императора Николая I: «У бунтовщика не может быть истории».

1952 год стал значительным в биографии ученого – А.Чхеидзе защитила диссертацию «История Пугачева А.Пушкина», кстати, первую в Грузии докторскую по русской литературе. Она была профессор кафедры вплоть до 1970 года, когда по состоянию здоровья уже не могла читать лекции.

Не менее важно, что ее диссертация стала плодом глубокого изучения сложной проблемы. В 1963-м работа была издана отдельной книгой и заслужила высокие оценки профессионалов, ибо отражала прогрессивность

исторических воззрений великого писателя. Во введении книги освещались проблемы, которые возникали перед исследователем при изучении отношения Пушкина к своему герою; они были глубоко изучены и хорошо изложены.

Другое важное дело, связанное с именем А.Чхеидзе, - ее участие в создании учебного пособия по истории русской литературы для студентов грузинских секторов (1960-1963). «История» состояла из трех томов. Усилиями авторского коллектива студентам и просто читателям был представлен систематический курс истории русской литературы, в котором одновременно широко освещались и вопросы русско-грузинских взаимоотношений. Учебное пособие стало предметом обсуждения в прессе, высказывалось, в частности, мнение, что исходя именно из таких принципов и должен создаваться учебник.

В трудах Анны Чхеидзе обычно рассматривается творчество грузинских писателей, имевших отношение к литературным взаимосвязям (а таковых оказалось большинство!). В данном случае она проявила глубокое знание русско-грузинских связей. Много сведений в ее лекциях исходило из личного опыта: она слушала публичные выступления А.Блока и В.Маяковского, со многими известными писателями была знакома и вела переписку.

Как многолетний секретарь кафедры я оказался связующим звеном большого ученого с кафедрой, не давая прерваться научным контактам.

Горжусь, что А.Чхеидзе относилась ко мне неизменно хорошо, начиная с первых дней нашего знакомства. Она стала оппонентом моей кандидатской диссертации. А когда, еще в бытность студентом, я написал курсовую работу об авторских отступлениях в поэме «Евгений Онегин», А.Чхеидзе особо отметила два моих примера и в

▲ Мария Байсоголовва

целом одобрила работу. В дни приезда в Тбилиси больших ученых она в числе трудов кафедры представляла и мой. А.Чхеидзе как учебного русиста знали на всем научном пространстве Советского Союза. Ее работа об истории Пугачева безоговорочно признана выдающимся явлением в пушкиноведении.

Мария Байсоголовва запомнилась прежде всего как большая труженица в науке. Правда, в этой сфере она, пожалуй, не была звездой первой величины, но ничем не уступала другим лекторам, обычно спешащим получить научные звания. Ее значимость особенно проявлялась в практической работе со студентами ТГУ. Путь ее в науку не отличался оригинальностью. После учебы в родном ТГУ – работа на кафедре с 1941 года. Спустя три года защитилась и работала доцентом.

О кандидатской диссертации М.Байсоголоввой следует сказать особо – это одна из первых попыток критики некоторых особенностей творчества Байрона. Работа называлась своеобразно – «Пушкин против байронизма». Мария Григорьевна любила творчество обоих великих поэтов и тонко разбиралась в нем. В ее понимании отход Пушкина от байронизма означал переход к реализму. Так Пушкин шел своим путем, отвергая в творчестве Байрона то, что Байсоголовва одной из первых назвала байронизмом. Заслуга М.Байсоголоввой не только в том, что она давала студенчеству глубокие знания по самой трудной части истории русской литературы – истории XVIII века. Она учила главному – работать с книгой, конспектировать, собирать материалы по теме, обобщать разнородные, разноречивые данные. Лично я научился у нее многому.

Она, к нашей большой радости, не только оказалась должительницей, но и долго работающим лектором, благодаря вниманию заведующего кафедрой Ваню Семеновича Шадури, который оставил немолодого специалиста в числе действующих лекторов. М.Байсоголовва продолжала читать лекции, открывая молодежи мир большой литературы.

Лина Хихадзе, доктор филологических наук, профессор ТГУ, после окончания альма матер в первой половине 50-х годов, училась в аспирантуре в Ленинградском педагогическом институте им. М.Покровского. Под руководством профессора Аркадия Семеновича Долинина работала над кандидатской диссертацией о поэзии Н.Огарева, друга и соратника А.Герцена.

Как отмечала Лина Дмитриевна, годы, проведенные в Петербурге, оказались для нее незабываемым возрастным и мировоззренческим этапом, очень значимым для личного, еще формирующегося самосознания, оставили вечный след в душе. Она вспоминала, как в весенние дни и ранней осенью они, аспиранты, ездили в Петергоф и Царское Село – «к Пушкину», читали наизусть строки полупрошальной тогда Анны Андреевны Ахматовой: «Сму-

▲ Лина Хихадзе

глый отрок бродил по аллеям/ У озерных грустил берегов». Именно там и тогда, по мере того, как Лина приобщалась к большой филологии, в ней возникала и крепла строгость самооценки, «самоедство». Позже она писала: «В том, что я изнутри, очень интимно чувствую, какова эта культура – русская классическая культура, в том, что во мне живет не какой-либо другой, а именно историко-литературный образ страны, конечно, прямо «повинны» мои петербургские годы. А косвенно с ними связан и мой последующий интерес к диалогу культур, точнее – к специфике его звучания в сфере художественных структур, в психологии восприятия культуры культурой, к множественности, вариативности рецепционного процесса, к моменту адресованности, заложенному в художественном тексте, в конвенциональности отношений автора и читателя – ко всему тому, что составляет историко-функциональный метод изучения литературы».

Диссертационную работу о творчестве Н.Огарева Л.Хихадзе представила в срок и успешно защитилась. Она публиковала интересные и глубокие статьи об этом и других классиках русской литературы, а также работы о переводах и русско-грузинских литературных взаимосвязях. Все они заслужили высокую оценку видных российских ученых.

Какое-то время Лина Дмитриевна преподавала в Телавском педагогическом институте, а с 1963 года она начинает работать на кафедре истории русской литературы ТГУ. Но, кстати, еще до этого заведующий кафедрой, профессор Ваню Шадури включил ее в авторский коллектив по созданию трехтомного учебника истории русской литературы.

В 1978 году она защитила докторскую диссертацию «Из восприятия русской литературы в Грузии». К тому времени Л.Хихадзе уже была одним из ведущих членов кафедры. Своей семьей Лина Дмитриевна так и не создала, всецело посвятив себя служению любимой науке.

В том же 1978 году вышла ее монография с анализом различных аспектов творческого усвоения русской литературы в Грузии в перспективе литературного развития – от романтизма к реализму. Пушкин, Лермонтов, Рылеев, Гоголь, Чернышевский, Некрасов и другие русские классики рассматривались в аспекте творчества А.Чавчавадзе, Гр.Орбелиани, Н.Бараташвили. В работе была проанализирована рецепция русской литературы как единый процесс, значимость переводов, традиции, восприятие русского романтизма в произведениях грузинских поэтов-романтиков, движение к новым формам поэзии.

Итак, три женщины-подвижницы знаменитой кафедры, три разные судьбы, сложные и по-своему прекрасные. Но роднит их общая черта – вся жизнь без остатка отдана науке, литературоведению.

Дмитрий ТУХАРЕЛИ

▲ «Праздник победы» Автор – Роберт Стуруа
(эскиз росписи плафона зрительного зала в г.Чиатура).

ПО СЛЕДАМ УТРАЧЕННОЙ КРАСОТЫ

В 12-м номере журнала «Русский клуб» за 2009 год была напечатана статья Марины Медзмаришвили «Очарование старого Тифлиса». Она посвящена художественному убранству подъездов старого Тбилиси, приведены фамилии некоторых приезжих и местных мастеров, создавших эту красоту.

В статье также говорится, что с приходом в 1921 году большевиков к власти, художественно-отделочные работы как «буржуазные», чуждые коммунистической идеологии, были прекращены. Но это далеко не так. В советское время эти виды работ перешли на оформление общественных помещений – театров, магазинов, ресторанов, кабинетов и даже частных квартир. Автором статьи не упомянуты такие мастера прикладного искусства, прибывшие в Грузию в конце XIX века из Австро-Венгрии, как Новак, Бровчек, Скрыжный, Рейш, которые внесли немалую лепту в оформление не только подъездов, но также кинотеатров и банков.

С некоторыми из этих мастеров мне, заслуженному строителю Грузии, посчастливилось общаться и работать.

Не только все фасады и подъезды отделывались лепными украшениями, но и внутреннее убранство залов, вестибюлей и ряда других помещений требовали соответствующей отделки. В основном всем этим занималась фирма Антона Новака. Его завод лепных изделий находился на левом берегу Куры, где сейчас расположен пивной завод, а ранее в этом месте через реку ходил паром. Эти помещения были переданы Худфонду. В мастерских Новака отливались картуши, маски, фризы, капители, целый ряд других лепных декоративных деталей. Кроме того, отливались памятники и надгробия. Совсем недавно на Кукийском кладбище я видел надгробие «Скорбящий ангел» с опущенными крыльями, где сбоку была выгравирована надпись «Новак – 1906 г.».

Сын Антона Новака, Франц Новак, работал художником-декоратором на тбилисской киностудии и в Союзторгрекламе. Им в 1950 году был расписан морвокзал в г.Поти на темы «Витязя в тигровой шкуре».

Мастера прикладного искусства Скрыжный, Бровчек и Рейш работали в стиле модерн, в частности, кинотеатр «Ударник» на Плехановском проспекте, а также целый ряд банков были расписаны Скрыжным. В 1942-м в кинотеатре случился пожар, уничтоживший росписи в зале и попортивший вестибюль. В начале пятидесятых вестибюль был восстановлен. Реставрацию стен выполнил талантливый самоучка Г.Осипов, а потолочные плафоны – студенты Академии художеств, довольно-таки непрофессионально (вместо темперы применили масляные краски, мазки которых стали отражать блеск).

Бровчек был главным конкурентом Б.Теленгатора. Он обслуживал в основном правительственные объекты, считался лучшим колеровиком. Помещения, отделанные бригадой альфрейщиков под его руководством, всегда отличались мягкостью расколеровки, создавались уют и спокойствие. Из мастеров его бригады лучшим был В.Лаптев. Скончался Бровчек в 1951 году.

Рейш на старости лет стал изготавливать и продавать тбилисским малярам-альфрейщи-

кам припорохи для росписи потолков и трафареты для отделки стен. В городе стало модно расписывать потолки, а стены отделывать под обои.

Из многих художников-декораторов особо следует отметить работы Бенедикта Рафаэловича Теленгатора. Он не только расписывал подъезды старинных зданий Тифлиса, но и в советское время совместно с архитектором Кравченко создал школу альфрейных работ при художественном училище им. М.Тоидзе. Была подготовлена целая плеяда талантливых художников-альфрейщиков – Б.Майсурадзе, В.Долгий, Н.Писемский, В.Бит-Каш и другие.

При непосредственном участии Теленгатора и под его руководством выполнялись росписи плафонов на заданную тему под тонированную лепку, цветной буит, позолоты лепных декоров, мозаичные панно, разделки под ценные породы дерева и мрамор, а также целый ряд других работ прикладного искусства. Любимым его стилем были ампир и ренессанс. В Тбилиси им были проведены декоративно-отделочные работы оперного театра (в мавританском стиле), театра им. Руставели (рококо), Дома офицеров, потолочных плафонов в ресторане гостиницы «Тбилиси» в стиле гризайль, а в магазине чая – панно на тему «Сбор чайного листа»; в ресторане гостиницы «Интурист» - потолочных плафонов в виде натюрмортов, выполненных под «гобелен», с арочной стеной, расписанной под цветной буит с золочеными шишками, и целый ряд других объектов. А в Батуми – это летний театр, поражавший зрителей богатством отделки, красотой витражей и плафонов, выполненных в грузинском стиле, (к сожалению, этот театр полностью сгорел во время пожара) вестибюля помещения морских ванн и кафе на центральной улице города.

Победа советского народа в Великой Отечественной войне дала новый импульс для развития монументально-декоративной живописи и художественно-деко-

ративной отделки помещений. Так, роспись плафона на тему «Праздник Победы» была выполнена молодым талантливым художником-монументалистом Робертом Стуруа в зрительном зале Театра им. Церетели в г. Ткварчели (1945-1950 гг.). За весь комплекс работ Р.Стуруа вместе с архитектором К.Чхеидзе и скульптором В.Топуридзе были удостоены Государственной премии СССР. Им также в Доме культуры села Шрома выполнена роспись плафона зрительного зала на тему «Дружба народов» (1953), а в Доме культуры г. Ткибули – «Добро побеждает зло» (1960).

Заниматься декоративно-отделочными работами стало модно. Роспись потолков и стен, применение лепнины, поталировка и позолота, цветные витражи,

▲ Верховный Суд Грузии. Зал заседаний на втором этаже

▼ Глеб Острожный за работой

резьба по камню и дереву, кованые решетки и литье из бронзы и других металлов широко стали использоваться при отделке помещений.

Некоторые художники бросили заниматься созданием бюстов и портретов вождей, перешли на лепку декоров и альфрейную роспись. Так, Ж.Халатов создал большую бригаду и занялся отделкой ресторанов и вокзалов, а в восьмидесятых годах преподавал декоративно-прикладное искусство в Тбилисской Академии художеств.

Талантливым учеником Б.Теленгатора С.Мизрахи и его бригадой были восстановлены после пожара росписи и все виды декоративной отделки Тбилисского оперного театра. Один из его сыновей окончил Московский архитектурный институт и работал в бригаде вместе с Н.Колобанцевым.

В Тбилиси также славились братья Чалабовы. Исаак Чалабов был студентом Тбилисской академии художеств, но из-за войны не смог ее закончить. Демобилизовавшись из армии, создал бригаду альфрейщиков. Им расписаны многие торговые помещения (в Тбилиси – «Кафетерий», закусочная на проспекте Руставели с фазанами, павлинами и букетами роз).

Стоит также отметить молодую послевоенную плеяду художников-альфрейщиков – Ж.Иванова, П.Карташова, П.Кротова, М.Алавердова. Они внесли немалую лепту в убранство не только гособъектов, но и многих частных квартир.

Художником Н.Игнатовым были расписаны стены в здании нижней станции фуникулера на тему «Старый

▲ Детали росписи

Тбилиси», и в ресторане при Доме кино – народное гулянье «берикаоба» (1973).

В 1977 году в здании Верховного суда Грузии под моим руководством были проведены декоративно-отделочные работы. Выполнена роспись потолочных плафонов и падуг в двух залах заседаний и вестибюлях на этажах, поталировка и золочение сусальным золотом некоторых лепных декоров, разделка декоративной лепнины под слоновую кость и старую бронзу, колонн и пилястр – под мрамор и гранит. На первом этаже работы выполняли А.Мясников, Б.Майсурадзе, В.Долгий, на втором и третьем – М.Мушилов, М.Алавердов, В.Угланов.

Через два года мною были проведены работы по реставрации, восстановлению и капитальному ремонту дома Союза писателей Грузии. Была воссоздана и отреставрирована многоцветная роспись стен, потолочных плафонов и сводчатых потолков (росписи выполняли М.Мушилов и Г.Осипов). Заменена обветшавшая обивка стен шелком. По старому образцу

тбилисской фабрикой был выполнен заказ (по цвету и рисунку), но вместо натурального шелка использовался искусственный. Восстановлены утраченные лепные декоры, а также детали облицовки фасада эктларским камнем. Отреставрированы декоративные детали из твердых пород дерева.

Для спасения уникального здания (архитектор К.Татищев) от разрушения были проведены усиленные работы.

Сегодня подобные работы не проводятся. Старое поколение талантливых мастеров ушло, а более молодые покинули Грузию. Новая архитектура из стекла и бетона не прибегает к художественно-декоративным работам. Для внутреннего убранства помещений сейчас в моде геометрические фигуры из гипсокартона.

Старинную красоту мы бесповоротно теряем. Жаль, но это факт.

Глеб ОСТРОЖНЫЙ

ДОН КИХОТ ПОКОРЯЕТ СЦЕНУ

Имя великого испанского писателя Мигеля де Сервантеса Сааведра (1547-1616) неразрывно связано с его бессмертным романом «Дон Кихот». Первая часть романа появилась в Мадриде в 1605, а вторая в 1615 году. С тех пор книга не переставала издаваться на разных языках, создав автору неувядаемую славу в потомстве.

Своим подлинным реализмом, яркими образами, живым, динамичным действием – роман представлял заманчивый материал для театральных переработок. Сценическая история «Дон Кихота» начинается немедленно после выхода в свет самого произведения. На сюжет романа писались пьесы различного характера – драмы, комедии, водевили, пародии, оперы, оперетты, балетные спектакли. Драматические переработки романа впервые появились на родине автора. Первая пьеса на сюжет «Дон Кихота», принадлежащая второстепенному испанскому драматургу Франсиско де Авила, была напечатана в 1617 году, т.е. всего через два года после появления второй и последней части самого произведения Сервантеса. Вслед за этим сюжет романа привлекает внимание видного испанского драматурга Гильена де Кастро, в сборнике театральных произведений которого комедия о Дон Кихоте была напечатана в 1618 году. В 1637 году была представлена новая пьеса на тот же сюжет, написанная Кальдероном, текст которой, однако, не сохранился.

Во второй половине XVII и особенно в XVIII веке драматические перделки романа делаются уже не только в Испании, но и в других европейских странах. Особенно популярен был «Дон Кихот» во Франции, где начиная с 1629 года появляются самые различные варианты истории Рыцаря Печального Образа. Помимо инсценировок основной сюжетной линии романа – приключений самого Дон Кихота, здесь обращали внимание и на отдельные побочные эпизоды произведения. Особой популярностью пользовался эпизод губернаторства Санчо Пансы. Наиболее ранняя инсценировка – это пьеса Гийона Герен де Бускаля «Правление Санчо Пансы», представленная в Париже в 1641 году. Во Франции началась также традиция использования эпизода свадьбы Камачо из второй части романа, сюжет стоящий в центре множества балетных спектаклей. Пьесы на эту тему были написаны уже в начале XVIII века, например, комедия Фюзелье

«Свадьба Гамаша» (1722) и пьеса Готье «Базиль и Китерия» (1723).

Широкой популярностью произведение Сервантеса пользовалось также и в Англии. Интересно отметить, что герои романа привлекли к себе внимание знаменитого английского писателя XVIII века Генри Фильдинга, который написал пьесу под названием «Дон Кихот в Англии». В этом произведении автор не ставит своей целью инсценировать роман Сервантеса, но использует образы двух главных героев – рыцаря и оруженосца, которых для сатиры на современную английскую жизнь, он заставил путешествовать по Англии XVIII века.

В России «Дон Кихот» впервые появился на сцене в конце XVIII века во французских пьесах, а с начала XIX века начинаются различные самостоятельные театральные перделки романа. В жанровом отношении они очень разнообразны. В одних случаях текст строится только на принципе создания занимательного комического спектакля, в других – мы видим образцы серьезного подхода к материалу.

В условиях крепостного права в России XIX века особое значение для русских авторов приобрел образ крестьянина Санчо, а его пословицы становились острым орудием обличения существующих порядков. В этом отношении интересна анонимная пьеса, датированная 1810 годом, «Губернаторство Санчо Пансы на острове Баратории». В ней Санчо – носитель народной мудрости и честности, противопоставлен хищным и распутным правителям из господствующего класса. Санчо Панса возмущается системой взяточничества, отказывается от поднесенных ему даров, клеймит административные порядки.

Сатирические возможности сюжета использовались и в других русских инсценировках. Это хорошо понимала цензура, которая вычеркивала из текстов фразы слишком явно обращенные к современности, например: «Поверь мой друг, что есть на свете много губернаторов гораздо проще тебя» (комедия Кузнецова, 1889); или реплики Санчо-губернатора: «У вас без бумаги ни шагу, бумага-то все терпит, а какво бедняку-то терпеть»; «Я хочу, чтоб у меня был совестный суд и словесный суд» (инсценировка П.А.Каратыгина). Однако в некоторых перделках эти злободневные моменты слишком откровенно отходят от

содержания прославленного романа.

Дон Кихот продолжает появляться на сценах российских театров и в XX веке. Особенно интересно, что к этой теме обратился такой писатель, как Михаил Булгаков. Его пьеса «Дон Кихот» ставилась в разных городах. Роль главного героя исполняли народные артисты СССР Николай Черкасов (в Ленинграде) и Рубен Симонов (в Москве).

Дон Кихот – любимый герой как взрослых, так и детей, поэтому неудивительно, что на сюжет романа сочинились пьесы для юного зрителя. Помимо пьес для ТЮЗов и специально детских переложений, известны также переделки «Дон Кихота» для театра марионеток и для кукольного театра.

«Дон Кихот» на сцене представлен не только в форме драматических спектаклей, роман послужил материалом и для музыкально-драматических представлений. Именно в репертуаре французской комической оперы впервые появился «Дон Кихот» на сцене в России. Комическая опера Пуанзине с музыкой Филидора была представлена в Москве в 1785 году в переводе Левшина.

Из музыкально-драматических переложений романа необходимо остановиться на опере Жюль Массне на либретто Анри Кэна «Дон Кихот», написанной специально для Ф.И. Шаляпина. Либретто оперы мало интересно и очень обедняет замысел Сервантеса. В нем выведена Дульцинея в роли блестящей куртизанки, ради которой Дон Кихот совершает ряд подвигов и возвращает похищенное разбойниками ожерелье. Но любовь и преданность его остаются не оценены и удрученный рыцарь удаляется в странствования и умирает. Очень далекая от романа Сервантеса по содержанию, опера и в музыкальном отношении представляет мало интереса, и ее сценическая история всецело связана с участием в ней Шаляпина, который создал в Дон Кихоте один из самых сильных своих сценических образов. Опера была впервые поставлена в Монте-Карло 19 февраля 1910 года и держалась на сцене пока в ней выступал Шаляпин. Тонкая художественность исполнения, вокальное мастерство артиста скрашивали однообразие музыки. Особой выразительности и глубины достигал Шаляпин в последнем акте, в сцене смерти Дон Кихота – наиболее интересном музыкальном эпизоде всей оперы. Но не только вокальная сторона исполнения, – весь облик, грим, вдохновенная игра артиста способствовали созданию образа испанского рыцаря.

Как писал сам Шаляпин: «В его внешности должны быть отражены и фантазия и беспомощность, и замашки вояки, и слабость ребенка, и гордость кастильского рыцаря, и доброта святого. Нужна яркая смесь комического и трогательного. Исходя из нутра Дон Кихота, я увидел его внешность. Вообразил ее себе черта за чертою, упорно лепил его фигуру, издали эффектную, вблизи смешную и трогательную».

Шаляпин углубленно работал над созданием образа рыцаря. Сохранился даже набросок лица Дон Кихота, сделанный самим Шаляпиным в 1909 году возможно к гриму. По единодушному свидетельству современников артист создавал в опере подлинно сервантесовский образ. Большой мастер грима, Шаляпин сумел преобразить свое лицо, которое казалось тощим, худым, узкая борода удлиняла его, а усы как стрелы расходились в стороны. Игра его поражала тонкостью передачи чувств и переживаний героя.

Шаляпин в роли Дон Кихота запечатлен и на экране. Фильм с его участием был выпущен во Франции в 1933 году.

Богатый и разнообразный материал дал «Дон Кихот» и для хореографической сцены. История балетных инсценировок романа начинается во Франции, где были поставлены балеты на сюжеты отдельных эпизодов произведения, например, балет Лаланда и Куапеля «Безумства Карденио» (1720), балет Фавара и Буамортье «Дон

Кихот у герцогини» (1743) и др. В 1766 году на сцене венского придворного театра был поставлен одноактный комический балет «Дон Кихот» с музыкой венского композитора Иосифа Штарцера.

В России балетные инсценировки романа начинаются с 1809 года, когда балетмейстер Шарль-Луи Дидло поставил в Петербурге двухактный балет «Дон Кихот». Вслед за этим на протяжении XX века были созданы новые балеты. В основу балетного либретто обычно ставилась какой-либо отдельный, часто вставной эпизод романа. Рамки хореографического представления, естественно, не могли вместить всей основной линии произведения. Поэтому, выводя на сцену колоритные фигуры рыцаря и оруженосца, балетные спектакли использовали материал одного из побочных эпизодов произведения и вводили элементы любовной интриги.

Особено утвердился в хореографических переделках эпизод свадьбы Камачо, который давал богатый материал для сценического действия. История прекрасной Китерии, просватанной родными за нелюбимого богатого Камачо, ловкость бедного пастуха Басилио, который притворным самоубийством добывается руки любимой девушки, – весь этот короткий, но яркий эпизод представлял возможность дать на сцене занимательное, живое действие, использовать самые различные по характеру танцевальные номера. Сюжет этот привлек внимание французских балетмейстеров еще в начале XIX столетия. Так, в 1801 г. на сцене Парижской оперы был представлен балет Л.Милона «Свадьба Гамаша», а в 1834 г. он был поставлен в Петербурге. Этот двухактный спектакль явился основой для новой обработки того же сюжета в балете Мариуса Петипа, который сохранился в репертуаре до нашего времени.

Музыка к этому новому балету была написана Людвигом Минкусом, автором многочисленных балетных музыкальных сопровождений. Композитор и скрипач, родом из Вены, Минкус переехал в 1853 г. в Петербург, где работал сначала в театральных оркестрах, а затем получил должность балетного композитора. Балет М.Петипа – Л.Минкуса был впервые представлен на сцене московского Большого театра 14 декабря 1869 г., а в 1871 году ставился в Петербурге, но популярности у публики не получил. После некоторого периода забвения балет, однако, снова возродился на сцене в 1902 г. в переделке балетмейстера А.Горского и был поставлен в прекрасном художественном оформлении с декорациями Коровина и Головина.

Либретто балета по своему содержанию далеко от оригинала и свободно использует отдельные эпизоды произведения для создания максимально красочного и удобного в танцевальном отношении спектакля, в котором с успехом выступали Павлова, Кшесинская, Преображенская, Гельцер и другие выдающиеся балерины.

На сцене Тбилисского театра балет «Дон Кихот» был впервые поставлен Вахтангом Чабукиани в 1932 году. С начала 40-х годов Чабукиани стал во главе балетной труппы нашего театра. Результат его работы блестяще проявился в новой постановке «Дон Кихота», осуществленной в 1943 году. Спектакль получил высокую оценку в прессе. Рецензенты и грузинских, и русских газет писали о блестящем исполнении главных партий (М.Семенова, В.Чабукиани), но особенно подчеркивали роль Чабукиани как постановщика и балетмейстера: под его руководством совершенно преобразился кордебалет, сальные номера органически соединились с массовыми сценами; в результате зритель увидел на сцене не отдельные танцы, но «поставленный с исключительным мастерством настоящий балетный спектакль».

Балет «Дон Кихот» вошел в репертуар театра, в нем с успехом выступали лучшие грузинские балерины, а в настоящее время роль главной героини с блеском исполняет звезда современного балета Нино Ананишвили.

Наталья ОРЛОВСКАЯ

Площадь Грузинского Кино

1512-2972